

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Обыкновенная
жадность

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Обыкновенная жадность

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Обыкновенная жадность / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

По-разному сложились судьбы четверых школьных друзей: спустя пятнадцать лет после выпускного вечера один из них – бизнесмен, другой – рядовой сотрудник небольшого банка, третий – гражданин США, успевший стать миллионером, а четвертый – простой работяга. И вдруг кто-то открывает на всех четверых «сезон охоты»... В чем дело? Неужели в той абсолютно новой идее поисковой интернет-системы, осенившей когда-то одного из них? Чтобы ответить на этот вопрос и найти убийцу, Александру Борисовичу Турецкому придется поднять из архива уголовное дело восьмилетней давности, на первый взгляд не имеющее к нынешнему никакого отношения...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	10
3	17
4	24
5	30
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Обыкновенная жадность

1

Ресторан, избранный Виктором Александровичем Банниковым для прощального застолья, как выразился он сам по этому поводу, был по-настоящему шикарным. Он буквально слепил попавших сюда впервые посетителей своей поддельной античной роскошью, немедленно наводящей на мысль о поистине поднебесных ценах... Банников, следовавший чуть позади старых друзей через беломраморный холл и наблюдавший за ними исподтишка, усмехнулся про себя: оба они прореагировали на данное местечко вполне ожидаемо. Ромка, чувствующий себя не в своей тарелке заранее, едва влез в единственный «парадный» костюм, вышедший из моды лет пятнадцать назад, дернул плечом, шеей и подбородком одновременно: обширный нервный тик, вывезенный им из Чечни. Алешка, вполне пристойно прикинутый, улыбнулся своей фирменной ироничной улыбочкой, обретенной им еще в памятные школьные годы.

Наблюдать за ними дальше было не интересно – вот они, издержки многолетнего знакомства и дружбы! Да и возможность отсутствовала: когда метрдотель провел мужчин к столу, заказанному Виктором накануне, ему на правах хозяина застолья пришлось самому заняться обсуждением меню с моментально подскочившим официантом. И лишь после того, как бокалы с аперитивом очутились на хрустящей от собственной белизны скатерти, Банников оглядел своих сотрапезников еще раз. Все еще напряженно-неловкого Романа, подозрительно косящегося на «интеллигентское пойло», и вполне расслабившегося Алексея, спокойно пригубившего свой бокал, погруженного в какие-то размышления.

– Ну что? – Виктор улыбнулся: – Как говорится, легкой тебе дорожки, Рома?... Эй, Алеша, вернись!..

– А?... – Баканин поглядел на него более осмысленно и тоже улыбнулся. – Ты прав, меня и впрямь вдруг занесло далековато... Все думаю: неужели выгорит?...

– А что, есть сомнения?

– Да как-то больно уж легко Леонид согласился... Не находишь?

Банников пожал плечами:

– Куда ж он денется с подводной лодки? Спасибо вон Ромке, сохранил бумаженцию... Я, кстати, Ленке в первом же разговоре сообщил, что расписка его жива-здорова и находится в надежном месте. Уж кто-кто, а он понимает: дойди дело до суда там, в Штатах, любой их суд присяжных вынесет решение в нашу пользу... Так зачем, спрашивается, ему дополнительная головная боль в виде оплаты судебных издержек, графологической экспертизы, – я уж не говорю об адвокате... В Америке адвокаты – самая дорогостоящая услуга.

– Да, спасибо Ромке... За тебя, Белецкий! – Алексей улыбнулся и приподнял свой бокал, с симпатией посмотрев на Романа.

– Да чего там... – Тот крякнул и потянулся наконец к аперитиву. Крупное, словно высеченное из грубой породы, лицо Романа моментально налилось краской. – Сохранил – и сохранил... Вообще-то, Марте спасибо, а не мне. Все мои школьные тетради хранит, записки, которыми на уроках перебрасывались, и вообще...

– Как она, кстати? – В голосе Алексея проскользнули сочувственные нотки, а Белецкий нахмурился:

– Все так же... Вот выгорит дело с Ленкой, тогда и разговор другой будет.

– А что доктора-то говорят? – поинтересовался Виктор. – Одной операции будет достаточно?

– Возможно, и вторая понадобится, – покачал головой Белецкий. – Но если дело выгорит...

– Да что ж вы, братцы, все «если» да «если»! – Виктор внезапно почувствовал, как внутри его всколыхнулось раздражение. – Уже выгорело, неужели не понятно?

– Цыплят по осени считают, – веско произнес Роман. Отхлебнул из своего бокала и поморщился: как большинство россиян, всем этим аперитивам и прочим «брэндям» он предпочитал нормальную водяру. Но, вероятно, в таких шикарных заведениях, в которое их призывок Витька (всегда был пижоном!), водяра не положена... Что ж, тем лучше. Напиваться он не собирался. Роман исподтишка оглядел лица друзей: не злятся ли на него?...

Конечно, по-хорошему лететь в Штаты должен был Витька. Однако и его, Романа Антоновича Белецкого, понять было можно: не хотелось отдавать в чужие руки, пусть даже в руки старого школьного товарища, эту, оказавшуюся столь важной, бумаженцию, до недавнего казавшуюся всего лишь памятью о детской, наивной игре в «страшные клятвы». И вдруг в одно мгновение сделавшуюся бесценной... Кто бы мог подумать?

– Слушай, насчет расписки... – прервал его размышления Банников. – Ты все сделал, как я сказал?

Белецкий молча кивнул.

– Смотри, даже ксерокопию в руки Леньке все-таки не отдавай... Я не к тому, что Славский может что-то предпринять, просто слышал, что женошка у него не в меру шустрая! Вряд ли она отнесется одобрительно к перспективе потерять три четверти своего состояния... Так что, Ромчик, будь, как говорится, осторожен, причем во всех отношениях!

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Белецкий.

– Черт их знает, этих америкашек, – вздохнул Виктор. – За свой капитал и придушить не постесняются, пожалуй... Что ни говори, а предусмотреть их психологию во всех деталях нам, русским, не дано...

– Я не русский, а хохол – это во-первых. – Роман поставил аперитив на стол, а рядом положил сжатые в увесистые кулаки ладони. – А вот это, чтоб ты, Витек, не сомневался, во-вторых... Неужели думаешь, что меня, старого «чеченца», можно вот так – запросто?... Да ежели что, их киллер еще в прицел глянуть не успеет, как я его шкуркой почую!..

– Тихо-тихо, – вмешался молча слушавший их до этого момента Алексей. – Никто, Ром, и не покушается на твою воинскую честь... А ты, Виктор, видать, слегка спятил, если подозреваешь Леньку Славского в такого рода замашках!

– Кто говорил о Леньке? – Банников нахмурился. – Я, кажется, о его супруге речь вел, про которую мы с вами знаем только то, что она родилась и выросла на Лонг-Айленде...

– Вряд ли бы Славский взял в жены «кровавую Мэри», – усмехнулся Баканин. – Для этого самому нужно быть слабаком, а Ленька слабаком никогда не был и вряд ли стал им за прошедшее время.

– Пятнадцать лет прошло, – покачал головой Банников. – Пятнадцать, парни, даже не пять... Не забывайте: ведь проделал же он все это за нашими спинами, не удосужившись нам сообщить, а?... Между прочим, Алешка, несмотря на то что основная разработка программы была твоя... твоя! А наша – постольку-поскольку... Если уж совсем честно!

– Разрабатывали мы вместе, моей была идея. – Алексей опять улыбнулся: – И хрен бы я ее разработал без вас без всех...

– Все равно, меньше всех участвовал как раз Славский! – упрямо возразил Банников.

– Все хорошо, что хорошо кончается. – Роман убрал со стола свои пудовые кулаки, глянул в сторону бара, и взгляд его тут же слегка потеплел: на подносе двигавшегося явно в их сторону официанта высился графинчик с прозрачной как слеза жидкостью, не оставлявшей никаких сомнений в своей сути и качестве: высокочлассная водяра, родная и близкая!

– Короче, – тоже бросив на официанта мимолетный взгляд, – завершил дискуссию Алексей Ба-канин, – все мы на самом деле молодцы. И ты, Витька, тоже не из последних: ни я, ни Ромка отродясь бы не засекли Славского, а вот ты...

– А я сделал это совершенно случайно, – мотнул головой Банников. – Вы вот меня за баб вечно поносите, а если б не моя последняя пассия, которой я письмецо намылился отправить... Если б я при этом еще и ее электронный адресок куда-то не запропастил... Словом, кабы не острая необходимость в мировой паутинке не образовалась именно на такой основе, так бы мы с вами и померли, ребятаки, в нищете, а Ленчик наш, чего доброго, годиков через пять вошел бы в пятерку богатейших людей благословенной страны Америки...

– А что за пассия-то новая? – усмехнулся Роман.

– Моделька... Но еще и умная, а не только кра-соточка! И насладиться-то друг другом как следует не успели, как у нее – р-р-раз! – и контракт в Штаты... Так-то вот, ребяташки!

– Судьба! – иронично ухмыльнулся Алексей.

– И не только моя, как видишь, – заметил Виктор.

Официант к этому моменту уже успел переместить со своего подноса, нагруженного, по мнению Алексея, сверх всякой меры, принесенные разносолы на стол и бесшумно, как и полагается вышколенной обслуге, удалился.

– Ну а что касается нищеты, в которой мы якобы прозябаем, – продолжил Баканин, – то, судя по тому, что перед нами в данный момент находится, себя ты, Витек, к упомянутой категории причислил явно сгоряча!

Банников покачал головой:

– Все, друг мой Алеша, познается в сравнении... По некоторым разведанным, состояние господина Славского Леонида Ильича потихонечку приближается к миллиарду... Где уж нам, российским биз-несменишкам о таком мечтать?... Кстати, Ромка, нелишне бы еще раз перетереть все по Штатам, дабы ты там от неизбежной эйфории ничего не упустил.

– Да что там упускать-то? – Белецкий нетерпеливо поглядел на графин с водкой. – Дележ и есть дележ... По справедливости.

– А контракт насчет грядущих поступлений?...

– Само собой, – буркнул Роман.

– Как сказать, – вздохнул Банников. – Взять тебя... Ты вот полагаешь, что твоей доли, если все сложится, как нужно, вам с Мартой на всю оставшуюся жизнь хватит. Даже после двух операций... Алешка – тот вообще неизвестно что думает, поскольку мыслями своими с обществом не делится...

– Исключительно по причине их, то есть мыслей, полного отсутствия! – вставил Баканин. Но Виктор только рукой на него махнул:

– Да брось ты!.. Нет, я о чем? О том, что я единственный, кого упомянутое будущее волнует, – ваш покорный слуга! Поскольку, в отличие от вас, знаю, что такое бизнес... Особенно у нас, в России! И особенно если ты вознамерился свое дело расширить и поставить не на две ноги, а на все четыре! Вот тут-то и обнаружится, что сумма даже в четверть миллиарда проклятых американских рублей – тьфу! Так себе, почти что ничто...

– Витек, не зарывайся, – посоветовал Алексей, начавший собственноручно разливать водку. – Лично мне все это напоминает дележ шкуры убитого медведя. Потому и мыслей особых, наличие которых ты у меня подозреваешь, нет. И чувство реальности происходящего, хоть убей, отсутствует...

– Ну почему? – неожиданно возразил ему Роман. – Я это насчет реальности... Просто тебя, Леш, жизнь не достала еще... Ты как родился сыном генерала, так и по сей день им остался. И жена у тебя тоже, говорят, генеральская дочка?

– «Он был титулярный советник, она – генеральская дочь...» – съехидничал Банников, подмигнув Алексею вполне добродушно.

– Дураки вы, – вздохнул тот. – Причем оба... Во-первых, Ромчик, когда я родился, мой папа никаким генералом не был, а если ничего не путаю, был он обыкновенным старлеем... Ну, может, и капитаном! Но главным в нашем семействе был вовсе не отец, а дед с маминой стороны!

– Тот самый академик, в наследство от которого тебе и достались мозги! – ухмыльнулся Банников.

– Против этого ничего не имею, – согласился Алексей. – Ну а что касается генеральского чина, то на данный момент отец уже два года как в отставке, и это вы тоже оба знаете! Так что главный кормилец у нас – я, собственной персоной! Поскольку отцовская пенсия, хоть и генеральская, а все же желать лучшего оставляет...

– В отличие от твоей должности, – скривился Роман и, не дожидаясь остальных, опрокинул в себя порцию водки.

– Ну, не такая уж она у меня великая и могучая: всего-то второй заместитель гендиректора, да еще и по техническим вопросам. И банк у нас, сами знаете, крупным не назовешь.

– А сумма оклада? – не отставал Роман.

– Может, хватит? – вмешался примолкший было Банников. – Давайте-ка лучше поговорим о других суммах. На мой взгляд, Алеша, куда более реальных, чем считаешь ты...

– А стоит? – Роман заметно оживился – то ли от водки, то ли после того, как услышал, что собой представляет реальное состояние господина Славского, ныне гражданина США, а когда-то, в какой-то другой, порой кажущейся и вовсе сном жизни, закадычного школьного дружка, ближайшего из всей их дружной компашки «самых талантливых среди остальных просто одаренных», как шутили они. Четыре друга, четыре мушкетера, из которых на роль Портоса мог претендовать, несомненно, он, Роман Белецкий. А на д'Артаньяна – так же несомненно – Ленька Славский...

Да и к остальным классические характеры любимых героев прилеплялись довольно легко: спокойный, склонный к задумчивости Алешка, интеллигент черт знает в каком поколении (во всяком случае, по материнской линии) – несомненный граф де Ла Фер... Роль интригана Арамиса автоматически доставалась нынешнему бизнесмену Витьке Банникову.

Впрочем, великие планы на будущее были у всех четверых, и, надо сказать, совсем не зряшные. Не их вина, что со временем им не повезло: на переломе эпох, как правило, приличным людям везет редко... Правильно сказал кто-то умный, что на поверхности бурного потока революции так же, как и на поверхности любого потока, плавают в лучшем случае щепки, а в худшем – дерьмо... Отчего-то Роману это высказывание запомнилось, хотя и прозвучало оно при нем давным-давно, на самом исходе той, прежней жизни.

Не то чтобы он считал, что его собственная судьба уж точно вышла дерьмовой. Такого бывший «чеченец» Белецкий думать о себе никогда бы не позволил, хотя бы ради Марты – маленькой Мар-туси, любимой сестренки, чудом выжившей в жуткой автокатастрофе, убившей их родителей... Их – убившей, а Марту – искалечившей... И сколько же терпения, нежности и кротости должно быть в человеческой душе, если за столько лет этой жуткой полунеподвижности его драгоценная Беляночка ухитрилась не озлобиться, не возненавидеть все подряд – жизнь, людей, проклятую нищету, из которой они никак не могли выбиться... Не ту якобы нищету, о которой только что вещал Витька, завсегда́тай этого плюшево-мраморного рестораниш-ки, обряженный в костюмчик от Версаче, никак не менее. А нищету настоящую, с которой Роман, к своему стыду и отчаянию, никак не мог достойно справиться.

Большая часть его заработка на задрипанной бензозаправке, пусть и не такого уж дрянного, но все же недостаточного, уходила на Мартусины лекарства, на экологически чистую – круглый год! – зелень, насыщенную живыми витаминами, на... Черт знает, на что еще. И операции, дорогие, зарубежные операции, способные поставить девочку на ноги, все отодвигались и отодвигались в будущее. И вот теперь это будущее, словно в сказочном сне, вдруг приблизи-

лось... Настолько, что впервые за много лет Роман Антонович Белецкий решился взять деньги в долг у своих друзей на это столь важное для всех троих дело... Решился, потому что именно ему из всех троих будущее богатство нужнее, чем остальным...

Хотя, понаблюдав за друзьями, он не мог уже утверждать это с той же уверенностью, что и прежде. Витьку Банникова он до его звонка, положившего начало нынешней эпопее, не видел, пожалуй, года три, не меньше. Алешку – с полгода, точно. А судя по тому, что сумел приметить, у Витьки тоже какие-то свои проблемы, в деньжатах явно нуждается, хотя и не в таких, как он, Роман. Ему проблемы бизнеса были малопонятны, слишком далеко они находились от него. Что касается Алешки, то вот кто, пожалуй, почти не переменялся за прошедшие годы. Главным в друге Баканине всегда было спокойствие и куча «непоняток»: вот, например, не понятно, какое значение для него имеют эти деньги, главное, имеют ли вообще какое-то значение или участвует он в данной операции «БІ» исключительно из чувства солидарности? Или потому, что Витек его уболтал? Не исключается и момент благородства: Лешка мог и ради Ромки с его Мартусей на это пойти. Ведь именно он, пожалуй, раз двадцать за эти годы предлагал Белецкому «взаймы» на операцию сестренке, прекрасно зная, что никакого заема не получится, поскольку отдавать долг будет нечем.

Роман вздохнул и с грустью, непривычной и для него совсем не характерной, вдруг подумал о том, как же на самом деле далеко друг от друга развела их судьба. О том, что, в сущности, за этим навороченным столом сегодня собрались люди малознакомые, чтоб не сказать – чужие друг другу.

– Белецкий, ты чего запечалился? – Виктор, как всегда, оказался наблюдательнее Алексея. – Ну-ка, ребятки, давайте по второй... Не стесняйтесь, ежели не хватит, повторим и раз, и еще раз!..

– Не гони лошадей, – притормозил его Алексей. – Ромке в полет буквально через несколько часов... Во сколько у тебя, Ром, кстати, рейс?

Белецкий посмотрел на часы и, подумав, кивнул:

– Ты прав, повторять не стоит: мне из дома надо будет сваливать в начале пятого утра.

– Такси заказал? – поинтересовался Виктор.

– Я что, по-твоему, дурак – еще и за заказ платить? Не-а, поймаю левака, их по Москве всю ночь навалом шастает.

– Откуда знаешь? – усмехнулся Банников. – Лично я вот что-то не замечал, чтоб шастали... Разве что у злачных местечек толпятся. И какого хрена ты экономишь?... Если не хватает, так и скажи, мы добавим!..

– Да хватает, на все хватает! – Роман нахмурился. – Просто я против лишних трат – привычка, знаешь ли. У нас в районе их всегда полно. Ну и хватит об этом. Скажи своему прислужнику, чтоб горячее нес, что ли... Мне еще домой за вещами и с Мартуськой попрощаться.

– Ну что ж... – неожиданно легко сдался Виктор. – Тогда – по предпоследней. Как говорится в таких случаях, легкого тебе, Ромка, пути!

2

Как Роман и предполагал, Мартуся проснулась сразу же, едва он, подремав пару часов, переступил порог своей комнаты с потрепанной спортивной сумкой в руках и двинулся на выход.

– Ромчик...

Белецкий развернулся и, покачав головой, подошел к сестре:

– И что б тебе не спать, а? Ведь договорились вчера...

– Не сердись. Лучше поцелуй меня на дорогу. – Марта улыбнулась и, подтянувшись на руках, оказалась в полусидячем положении.

Роман наклонился и нежно прикоснулся губами к бледной щеке сестры. Совсем рядом сверкнули лукавым огоньком ее темно-синие глаза, опущенные неожиданно-темными длинными ресницами, и он в который раз с горечью подумал о том, какая же Марта красавица, какой радостной и счастливой могла быть ее жизнь, если бы не проклятая катастрофа, приковавшая девушку к постели двенадцать лет назад... Ведь не только внешность – характер у его сестренки тоже из тех, какие называют счастливыми!

Со стороны кухни послышался шорох, потом тяжелые, немного шаркающие шаги, и в комнату вошла Анна Васильевна.

– Ну что, ребятки? – Она широко зевнула и ласково посмотрела на брата с сестрой. – Поехал, Ромочка?

– Поехал, Анна Васильевна.

С соседкой им повезло по-настоящему. Бывшая медсестра, близкая подруга их покойной матери, она бы и бесплатно взялась заменить Белецкого возле Мартуси на время его отсутствия. Другой вопрос, что сам Роман и слышать об этом не хотел. Денег, которые он взял в займы у ребят, вполне хватило на оплату услуг Анны Васильевны.

– Ну и с Богом, – кивнула та. И, подумав, трижды перекрестила Романа, что-то беззвучно шепча про себя.

Спустя несколько минут Белецкий, легко сбежав по ступеням со второго этажа их хрущевки, выскочил из подъезда в сырую и холодную предраассветную тьму нынешнего ледяного марта и... тут же замер на месте: прямо перед ним стояло такси – словно на заказ... Ну и ну!

– Заказывали?... – Водительская дверца слегка приоткрылась, и перед Романом оказалась заспанная, хмурая физиономия довольно молодого мужика.

– Да нет, – усмехнулся Роман. – Вероятно, кто-то из соседей... А вы в какую сторону?

Мужик нахмурился и, не отвечая на его вопрос, пробубнил:

– Дом вроде тот... Шестая квартира, Белецкий, Шереметьево... Неужто спутал чего?

– Та-а-ак. – Роман ухмыльнулся. – Не иначе как Витькины штучки... Делать ему нечего! Ладно, поехали: Белецкий – это я, и в Шереметьево – тоже мне.

– Ну вот, чего тогда голову-то морочишь? – буркнул водила и, нырнув обратно в салон, открыл переднюю пассажирскую дверцу.

Роман, так и не погасив улыбку, кивнул, ощутив внезапный прилив уверенности в том, что все будет хорошо, все сложится так, как задумано! А значит, впереди действительно новая, совсем другая жизнь!...

Выпуск 1991 года их – одной из лучших в Москве специализированных математических школ – был совсем небольшим. Когда-то в этой параллели находилось два класса. Потом, после девятого, остался один – «слитый» из двух: некоторые ушли в другие школы, поскольку программа обучения оказалась не по силам, кто-то поступил в колледж. Ну а за последующие три года класс все сокращался и сокращался, и до финиша добрались в конечном счете всего четырнадцать человек. Как сказал директор в своей речи на торжественной части выпускного

вечера: «...доказавшие, что они-то и есть по-настоящему одаренные, талантливые ребята с большим будущим». Директор вообще любил пышные фразы и парадные речи...

Четверо друзей, как обычно, сидели тогда в последнем ряду и, услышав про «большое будущее», трое из них почти одновременно покосились на Леньку Славского, глядевшего на директора так сосредоточенно, словно он вознамерился просверлить взглядом во лбу поздравителя дырку. Насчет упомянутого будущего, не только большого, но и светлого, у них имелись собственные сомнения и соображения... Рядом с Ромкой едва слышно вздохнул Алешка Баканин – русоволосый, крутолобый, с мягким взглядом карих глаз. И Белецкий, помнится, подумал тогда, что у Алексея, если по-честному, оснований вздыхать куда больше, чем у него и Витьки – неисправимого оптимиста и живчика.

Идея принципиально новой поисковой интернет-программы за полгода до выпускного вечера пришла именно в Алешкину светлую голову. Потому и название для нее придумать друзья предоставили ему. Думал Баканин недолго, «Роза» – так звали его покойную мать, которую сам он едва помнил, зато папа-генерал, ставший к тому моменту предметом беззлобных подкалываний со стороны друзей, вместе с жившим с ними дедом-академиком забыть так и не смогли. И программа, пока что существовавшая в виде Лешкиной идеи, была соответственно названа «ROZA».

А дальше? Дальше все они дружно взялись за дело, решив разработать ее, довести до ума и – и что? То-то и оно! И первым вслух об этом сказал даже не практичный Ромка, а сообразительный Витька:

– Знаете, мужики, – у Банникова уже успел прорезаться к тому моменту нынешний басок, – все это, конечно, гениально и здорово. Однако история, похоже, вырисовывается, как с не менее гениальным изобретением телевидения.

– А что там с телевидением? – удивился Ленька, периодически удивлявший друзей неожиданными пробелами в образовании.

– О господи, Славский... – Витька вздохнул и посмотрел на друга с сожалением. – Только ты и можешь этого не знать: по-настоящему телевидение было изобретено впервые в России, уральским самоучкой...

– Да о чем вы, ребята?! – перебил его Роман.

– Лично я – о том, что вряд ли нашей «Розочкой» в данный момент хоть кто-нибудь заинтересуется. Ты погляди, чего творится: людям жрать нечего, прилавки пустые, водку и ту по талонам дают... Ну или будут давать... Ну кому, на хрен, нужен сейчас Интернет, а?... Ты покажи мне хотя бы с десяток своих знакомых, у кого вообще есть комп!

– Прогресс – штука необратимая, Вить, – возразил Алешка. – Сейчас – да, согласен, это вряд ли... Но ведь не навсегда же в России этот развал утвердился, верно? Когда-нибудь все устанется, и тогда...

– А если нет? – Банников завелся всерьез. – Да ты хоть понимаешь, какие это деньги, если в цивилильной стране, а не в этой... «Кисло-сладко-горькой?!...» А у нас, чего доброго, еще и сопрут, оставив тебе шиш в кармане!.. И вообще: как известно, хорошо яичко ко Христову дню!

В комнате Виктора – они в тот день корпели над программой, собравшись у Банникова, – повисла пауза. Роман, который о деньгах тогда и вовсе не задумывался, растерянно переводил взгляд с нахмуренного лица Алешки на сердитое и озабоченное Витьки. И тут посреди тишины вдруг пискнул своим тенорком Славский:

– Мужики... Не хотел я раньше времени говорить...

Все трое уставились на Леньку, самого робкого и стеснительного из четверки, правда, отменного драчуна, коим он зарекомендовал себя еще в младших классах, вопросительно.

Тот покраснел, потом мотнул головой и выпалил на одном дыхании:

– В общем, в июне мы на три года того... в Штаты! Отца в Нью-Йоркский универс позвали, контракт уже того... Подписан, вот!..

Витька в ответ только присвистнул, Алексей молча прищурился, а Ромка приоткрыл от удивления рот. И надо сказать, все они поняли одновременно и сразу, что не на какие на три года, а, скорее всего, на веки вечные отбудет их друг Славский в далекую Америку. Папаша Леньки, Илья Абрамович Славский, был ученым с мировым именем, он и в советские годы успел поездить на всевозможные симпозиумы физиков-атомщиков по всему миру. Его Ленька всегда был «прикинут» лучше всех даже в их не самой бедной по контингенту учеников школе. И то, что Илья Абрамович давным-давно мечтал свалить из нищей и беспокойной России, ни для кого не было секретом. А уж теперь, когда в стране развал и ни до каких научных исследований никому здесь и вправду дела нет – не до жиру, быть бы живу, и говорить нечего!

– Ну и чего ты, спрашивается, краснеешь, как провинциальная девица? – хмыкнул Витька, как всегда, первым успевший прикинуть, что к чему. – Похоже, у русских гениев от перемены эпох судьба не меняется... Быть нашей «Розочке» реализованной, так же как и прочим гениальным открытиям, за океаном...

– Ты это о чем? – нахмурился Баканин.

– Значит, дорогие мои гении, идея такова... – Банников обвел глазами лица друзей и приступил к изложению идеи, которой в будущем (им тогда казалось, что совсем близком) суждено было определить судьбы всех четверых. Правда, не совсем так, а точнее, и совсем не так, как они предполагали в тот момент, когда после долгих споров и обсуждений пришли наконец к соглашению.

Лично для Ромки работа над основой «ROZA», отнимавшая время от подготовки к выпускным экзаменам, обошлась в два тройка в аттестате. Пусть и не по профилирующим дисциплинам, однако сыгравшим в самом ближайшем будущем с ним злую и роковую шутку: он, единственный из них всех, не сумел поступить в институт – не хватило как раз учитывавшегося в те годы среднего балла аттестата. В итоге же загребел в армию, да еще и не со своим призывом: Алешкин отец, тогда уже генерал, поспособствовал, как мог, другу сына – в том, что Роман рано или поздно поступит на физмат, никто тогда не сомневался... Кто же знал, что грянет в семье Белецких трагедия, после которой останется у Романа на руках сестренка-инвалид и об учебе придется забыть?...

Увы, и Мартуся не спасла своего старшего брата от призыва: тогда была еще жива родная тетка Белецких, сестра покойной матери. И к ним она переехала сразу после гибели сестры. Словом, в армию Белецкий не просто «загребел» не со своими одногодками, а угодил прямоком на первую чеченскую. Не помогли ни слезы тетушки Инны Ильиничны, обивавшей пороги военкомата, ни генеральские связи старшего Баканина: сам он в тот момент как раз и находился все в той же Чечне, а в его отсутствие упомянутые связи не сработали... С точки зрения районного военкоматовского начальства, Роман Антонович Белецкий был типичным злостным уклонистом и должен был теперь не просто исполнять свой гражданский долг, а еще и «вину» замаливать... Очередная, только что раскалившаяся горячая точка подходила для этих целей как нельзя лучше!

Свои военные годы вспоминать Роман не любил – в отличие от большинства сослуживцев. Однако и судьбу за то, что Чечня стала фактом его биографии, тоже не упрекал, несмотря на два ранения и одну контузию, после которой и был признан негодным к дальнейшему прохождению службы по категории «В». То есть в дальнейшем Белецкий подлежал возвращению в армейские ряды исключительно в случае прямого нападения некоего мифического врага на Россию... Собственно говоря, дембель к тому моменту большого значения для Романа уже не имел, поскольку позади у него остались почти все те же два года службы без каких-то полутора месяцев. Правда, последние полгода ему довелось провести в Ивановском госпитале, о чем

вспоминать он не любил тоже и, бог весть почему, вдруг вспомнил сейчас, когда желтое такси мчалось его в сторону Шереметьево-2 сквозь пустую предрассветную Москву...

Звонок в доме Белецких раздался примерно полчаса спустя после того, как началось путешествие Романа. Уснувшая наконец Мартуся его не слышала. Зато Анна Васильевна, не собиравшаяся больше укладываться и занявшаяся стиркой, несмотря на удивление, – кого это могло принести в такую рань? – открыла все-таки сразу, решив, что «принести», кроме соседей, рядом с которыми прожила почти сорок лет, не могло никого... И тут же отшатнулась от распахнутой двери: на пороге стоял совершенно незнакомый мужичонка. Не то чтобы амбал, но и не хлипкий. Женщина рефлексивно схватилась за сердце, однако незваный гость заговорил раньше, чем она успела всерьез испугаться:

– И сколько я еще ждать-то должен?! – На физиономии мужика читалось искреннее возмущение. – Двадцать минут жду, жду... У меня сегодня еще пять заказов в разных концах, и все за город!..

– Вы... кто?... – Анна Васильевна тяжело слотнула, ничего не поняв из его возмущенного бормотания.

– Как это – кто? Таксист я... Белецкий Роман Антонович тут живет?... – На лице водителя мелькнула неуверенность.

– Т-тут...

– Заказывали?...

Анна Васильевна молча мотнула головой, а таксист в сердцах сплюнул, правда чисто условно.

– Шутнички их, твою мать... Может, ты, бабусь, не в курсе? Где сам-то?...

– Да уехал он, – пришла наконец в себя Анна Васильевна. – Уж минут сорок, как уехал, а такси мы отродясь не заказывали, сейчас тоже не заказывали, так что иди-ка ты, милый, по своим делам!..

Она в сердцах захлопнула двери перед носом продолжавшего возмущаться водителя и для верности накинула крючок, болтавшийся тут с незапамятных времен. После чего, покачив головой, вернулась в ванную к затеянной стирке, так и не поняв, с какой стати появился к ним этот таксист: может, Рома и правда заказал его, а потом позабыл? Да нет, это вряд ли... Как ни крути, ни верти, а по всему видно – вышла обыкновенная ошибка.

Спустя еще час в глубине большой, богато обставленной квартиры в центре Москвы тоже раздался звонок. Только не в дверь: заливался долгими, настойчивыми звонками телефон. Квартира находилась в большом «сталинском» доме с толстыми стенами, поэтому хозяйка, принципиально не державшая аппарат в спальне, среагировала далеко не сразу. Но невидимый абонент, прекрасно знавший ее привычки, не отступал, и в итоге Софья Эдуардовна Соркина с тяжким стоном и огромным трудом приоткрыла тяжелые, набрякшие веки, толком не понимая, что именно ее разбудило.

С минуту она вслушивалась в настойчивые, длинные гудки, прежде чем, сообразив наконец, что к чему, продолжая постанывать и кряхтеть, начала выбираться из-под пухового немецкого одеяла.

– Соня? – Приятный мужской голос прозвучал в трубке прежде, чем она успела что-либо произнести. – Ты как – получила?

Сон слетел с женщины моментально и окончательно:

– Если ты имеешь в виду эти гроши, то – да, еще позавчера!

Софья Эдуардовна сразу же начала говорить на повышенных тонах и от этого закашлялась. В горле саднило то ли после вчерашнего вечера, то ли просто не следовало так напря-

гаться со сна. Но иначе она не могла, обида, вспыхнувшая сразу, как только ее двоюродный братец заговорил, охватила все существо женщины.

– Соня, ты не права, – мягко возразил он, – ты должна понять ситуацию, ты же знаешь...

Голос ее собеседника звучал так ясно и отчетливо, словно и не было между ними немалых тысяч километров суши и океана.

– Что – что я должна понять?! – теперь и она говорила отчетливо, ничуть не уменьшив напор. – Да я этих твоих сопляков еще двадцать лет назад во всяких видах видела! А ты хоть знаешь, что одна квартира, все еще, между прочим, ваша, стоит мне уже почти триста баксов, а?! Я что, по-твоему, на оставшиеся двести должна существовать?... Да ты хоть представляешь, что у нас тут с ценами творится? Да мне этих сраных грошей только и хватит, что на хлеб да воду, даже на лекарства не останется... Ты слышишь меня?!

– Слышу, Соня. – Мужской голос стал заметно холоднее. – Но и ты меня выслушай... Я понятия не имею, как вообще сказать обо всем Джине...

– Чхала я на твою Джину! – почти взвизгнула, перебивая, Софья Эдуардовна.

– Я же просил – выслушай. – Холод в интонациях кузена сделался настоящим льдом, и она примолкла. – Так вот... Посылать тебе прежнюю сумму я действительно не смогу по меньшей мере года два, а там видно будет... Ну, возможно, еще пару сотен накину, но это – все. Ты меня поняла?

– Я тебя еще в прошлый раз поняла. – Софья Эдуардовна всхлипнула, а он, услышав это, вздохнул и заговорил чуть мягче:

– Сонечка, уж кто-кто, но ты действительно должна понять, ты же всегда относилась к ребятам... м-м-м... я бы сказал, очень хорошо...

Женщина насторожилась, пытаясь понять, не издеваются ли над ней. Но мужчина продолжил абсолютно спокойно:

– Пойми, дело даже не в той, фактически детской, клятве. И даже не в чести и совести... – В этом месте она не сдержалась и фыркнула. – Можешь не ерничать, для меня эти понятия, как, возможно, это тебе ни удивительно, все еще живы! Но, чтобы ситуация стала тебе доступна, попробую выразиться на другом языке...

– Если ты имеешь в виду эту дурацкую расписку, то ты еще в прошлый раз говорил, – снова всхлипнула она, – и я тебе сразу ответила, что никакого значения она не имеет.

– А вот тут ты ошибаешься, – возразил он. – Еще как имеет, во всяком случае, у нас! Соня, я действительно накину две сотни, сегодня же... Нет, сегодня уже поздно, завтра мне ехать в аэропорт встречать Ромку...

– Ты что же, не можешь поручить кому-нибудь из своих секретуток? Ты же всегда...

– А вот теперь не могу! – нервно возразил он.

– Из-за Джины? – догадалась Софья Эдуардовна. – Ну почему ты позволяешь этой рыжей кошке соваться в твои дела?!

– Ты знаешь почему, – сухо ответил Леонид Ильич Славский и, распрощавшись, положил трубку.

Еще раз, уже чисто автоматически всхлипнув, женщина тяжело поднялась из глубокого кожаного кресла, сидя в котором разговаривала с кузеном: к своим нынешним сорока восьми годам когда-то изящная Сонечка-оторва, как ее частенько называли тогда подружки и дружки, превратилась в грузную, старую женщину, которой с одинаковым успехом можно было дать и пятьдесят, и порой даже все шестьдесят – например, в такие дни, как сегодняшний, после вчерашних возлияний в обществе старого приятеля, едва ли не единственного из Сониных знакомых, не побывавшего в ее постели.

И дело было вовсе не в том, что в любовники ей не годился он по молодости лет, уж это-то Сонечку не смущало никогда! Не годилась на упомянутую роль, увы, она сама... По крайней мере, в последние десять лет – точно.

Софья Эдуардовна вышла из кабинета, когда-то принадлежавшего отцу Леониду, и, миновав длинный коридор, вошла на кухню. Поморщившись при виде стола с остатками вчерашних посиделок и раковины, в которой высилась гора немытой посуды, она на ходу включила электрочайник и, открыв буфет, извлекла оттуда банку кофе. Софья Эдуардовна предпочитала растворимый вариант этого напитка. Не столько сообразуясь с собственными вкусами, сколько от непреодолимой лени, свойственной ее натуре.

Хлопотать вокруг мельницы, пусть и электрической, и джезвы означало для Соркиной совершать лишние движения, а значит, напрягаться. Вот чего она терпеть не могла всю жизнь, так это напрягаться! Софья Эдуардовна всякий и всяческий труд ненавидела столь глубоко и искренне, что за всю свою жизнь не работала ни одного дня...

С огромным трудом одолев в свое время школьную программу, она в семнадцать лет поняла, что на этом исчерпала все свои ресурсы целиком и полностью. И выход нашла самый простой и легкий, благо в юности была хороша той самой хрупкой и на вид абсолютно беззащитной красотой, на которую так падки мужчины среднего возраста... Нет, проституткой Сонечка, конечно, не стала, во всяком случае, формально. Однако как называть девушку, живущую исключительно за счет «друзей»-мужчин, периодически передающих очаровательную «оторвочку» друг другу, словно эстафетную палочку?...

Ее покойная мать и ныне здравствующая, правда, в далекой Америке, тетушка, Ленкина мать, Мария Константиновна Славская, оправдывали ее одной фразой: «До чего же нашей Сонюшке не везет!...» Предполагалось, что периодическая смена ее «друзей» обусловлена поисками подходящего мужа... Увы, неудачными. Мать и тетка и сами трудягами не были, но вот им в свое время действительно повезло на супругов: у одной был известный ученый, благодаря чему она и очутилась в Штатах. У другой после развода с Сониным отцом («Абсолютной бездарью!...») тоже ничего – парторг крупного московского завода... И только «нашей бедной девочке» так и не повезло.

Единственная удача – тетка, которая в свое время мечтала о дочери, а родила сына, обожала Сонечку всю жизнь куда больше, чем собственного ребенка. И уезжая из страны, рыдала в голос именно по племяннице, остававшейся в этой кошмарной России: ее муж, пожалуй, впервые в жизни проявил небывалую для него твердость и забирать с собой Соню, которую считал шлюхой, отказался категорически... Вот и Леонид вслед за ним не то что на ПМЖ, а и в гости-то единственную кухню ни разу за все годы не пригласил! Такой же урод, как его папашка... Если бы не тетя Маня, не видать бы ей никаких денег от них вообще, слали бы исключительно плату на квартиру, которую она для них «караулит» уже добрых пятнадцать лет!

Софья Эдуардовна равнодушно отхлебнула кофе и, присев на скрипучий венский стул, задумалась: позвонить или не позвонить тетке, чтобы настучать на сыночка и на всю эту идиотскую историю с дележом капитала?... Между прочим, капитала семейного!.. Конечно, есть несколько путей решения проблемы. Но «мирных» не так уж много: это она отлично поняла еще месяц назад, позвонив Витьке Банникову и попробовав того усовестить. Так звонить или не звонить?

За последние годы Сонечка привыкла жить, прямо скажем, на широкую ногу. Лучшие напитки, лучшая еда, дорогая машина, разумеется, иномарка. Хотя бы дважды в месяц салон красоты (впрочем, похоже, зряшная трата, только деньги берут), не говоря о докторях и дорогих лекарствах (это – острая необходимость, тут она сказала правду Леониду). Ну а как раз перед первым звонком Леонида она наконец решилась на пластическую операцию: собственная физиономия, возникавшая в зеркальном стекле, приводила ее в отчаяние! Хирургов и их ножей Соня боялась как огня, но тут – решилась... И вдруг – звонок: извольте учесть, ваше «пособие» сокращается втрое... Он что – спятил?!

Конечно, если б Леонид знал, сколько Софья Эдуардовна дерет со своих квартирантов за квартиру, оставшуюся от ее покойных родителей, возможно, он и раньше бы ужал свою

кузину. Но знать ему об этом совсем-совсем не обязательно! Слава богу, в российских расценках братец не ориентируется. Однако вдруг да заинтересуется, если она все-таки настучит на него тетке?

Так ничего и не решив, Софья Эдуардовна допила свой кофе и, немного подумав, отправилась обратно в спальню. Уснуть, конечно, уже не получится, однако под подушкой у нее имелся захватывающий роман, вполне способный скрасить печально начавшееся утро. Впрочем, до того как начинать внутрисемейные разборки, следовало дождаться результатов тех мер, которые она еще месяц назад предприняла самостоятельно: не исключено, что паниковать ей пока что рано и ситуация рассосется прежде, чем достигнет своей кульминации...

3

Из окон его апартаментов старинного, по американским меркам, поместья, расположенного на Лонг-Айленде, был виден роскошный парк. «Роскошный» – это по здешним представлениям, а на взгляд Леонида – почти искусственный в своей прилизанной красоте. Поместье они с Джиной приобрели год назад – за сумму, о величине которой лучше всего было не думать, особенно сейчас, сегодня... И, в отличие от большинства своих соседей, поселились здесь постоянно.

Сейчас, в этот то ли поздний, то ли ранний час парк был не виден, лишь угадывался в заоконной полутьме. Но даже если бы день был в разгаре, Леонид Славский все равно не увидел бы его, несмотря на то что, стоя у окна своей спальни, производил впечатление человека, напряженно вглядывающегося в даль. На самом деле он был настолько глубоко погружен в свои мысли, что не только ничего не видел, но даже не слышал голоса своего камердинера, с должным почтением докладывающего ему о том, что личный лимузин господина «Слаффски» подан.

И на почтении, и на том, чтобы должности слуг в точности соответствовали староанглийскому «протоколу», настояла Джина, помешанная на Старом Свете: правда, не на современном, а, как подозревал Леонид, приблизительно времен королевы Виктории... Ни к чему этому он так и не сумел привыкнуть, как не привык и к своему американскому имени «Люк», которым его называла жена и близкие знакомые: «Леонид» и даже просто «Леня» для здешнего англоязычного народа являлось словом практически произносимым.

В своих личных апартаментах Славский ночевал редко, всякий раз долго и трудно изобретая предлог, под которым оставлял Джину на ночь одну, на ее половине особняка, к чему она относилась, несмотря на десятилетнее супружество, крайне болезненно. Впрочем, и здесь, в собственной спальне, жена его не отпускала из-под своего присмотра: прямо напротив кровати Леонида висел ее портрет, написанный несколько лет назад каким-то поляком с фамилией, которую Леонид так и не запомнил, несмотря на то что Джина уверяла, будто художник – чуть ли не мировая знаменитость и вообще гений. К живописи Славский был глубоко равнодушен, но одна деталь в памяти все же застряла: поляк работал в стиле гиперреализма. И едва глянув на портрет жены, он тогда понял, что ненавидит этот самый гиперреализм всей душой: Джина на полотне была не просто похожа на себя реальную – узкое длинноносое лицо, поджатые и оттого почти невидные губы, густые рыжие волосы до плеч. Художник, выписавший каждую деталь ее лица, каждую едва заметную морщинку и веснушку, ухитрился одновременно создать портрет, казалось, самой натуры Джины, передать каким-то чудом самое ненавистное для Леонида: не только его жену, но и потаенную суть их взаимоотношений...

Они познакомились, если это можно назвать знакомством, в первый же год приезда Славских в Штаты: Джина Кауфман была самой некрасивой и самой богатой студенткой университета, куда оба они поступили одновременно. На том, чтобы Леонид избрал специальность «Экономика и банковское дело», настоял его отец, преподававший на другом факультете. И таким образом, сам того не подозревая, определил дальнейшую судьбу сына.

Спустя полгода весь факультет знал, что Джина, дочь владельца целой сети ювелирных магазинов, опутавшей едва ли не все Штаты, до полного умопомрачения влюблена в «этого русского» и бегаёт за ним, словно собачка за хозяином. Сам Леонид почти никакого значения чувствам убийственно некрасивой, пусть и богатой, американки не придавал, разве что жалел эту нелепую рыжую девчонку и в редкие свободные часы снисходил до общения с ней. Джина была к тому же исключительно навязчивой особой. А что касается Леонида, то ему и вовсе было тогда не до романов: отчаянно скучавший по Москве, а более всего по оставленным там

друзьям, Славский был намерен в первую очередь осуществить их общий проект. Не потому, что их договор оформлен почти документально, а потому, что надеялся таким образом и ребят перетасщить сюда, за океан, где Леонида почти с самого начала преследовало чувство какого-то по-особому тоскливого одиночества.

Первое, что он сделал, – разместил на домене университета «Розочку» и... принялся ждать, когда же объявится покупатель на эту несомненно оригинальную, талантливейшую разработку... Увы! День шел за днем, неделя за неделей, а затем и месяц за месяцем, и – ничего не происходило. Совсем ничего! Как же так?... Поделиться своим недоумением Леониду было решительно не с кем: он очень быстро понял, что обзавестись в университете хотя бы каким-то подобием друзей невозможно: улыбчивые и приветливые американцы за своим «Хау-дую-ду?...» прятали какое-то, с его точки зрения, просто нечеловеческое равнодушие к чужим проблемам, горестям, да и радостям тоже. Его попытки сблизиться с парой однокурсников привели к тому, что Леонида просто-напросто начали сторониться. Поведение Славского в глазах этих ребят выглядело, как минимум, странным: делиться с окружающими неприятностями здесь считалось чуть ли не нарушением элементарных приличий. А неприятности не замедлили объявиться.

Вскоре администрация университета попросила Славского закрыть сайт «ROZA», дабы не перегружать сеть. Своих денег, к тому же немалых, чтобы открыть собственный ресурс, у него, разумеется, не было и быть не могло. А отец, даже если бы у него они были, никогда в жизни на это не пошел. Впрочем, и у отца всего, что он зарабатывал, хватало разве что на более-менее достойное содержание семьи. Казалось, ситуация сложилась тупиковая: как выяснилось, не только в России, но и в Америке несомненно талантливая разработка никому не нужна. Так же, как и сам Славский с его проблемой не нужен никому, кроме... Конечно же, кроме Джины, продолжавшей таскаться за ним по пятам.

Поначалу преданный собачий взгляд девчонки его откровенно раздражал: ну что она, эта уродина, в нем такого нашла, чтобы превращать себя, а заодно и Леонида, чуть ли не в посмешище всего факультета?! Потом он как-то притерпелся, привык, а позже, когда затею с «Розочкой» постиг крах, Джина оказалась единственной, кто всерьез не просто сочувствовал Славскому, но и к самой идее программы отнесся всерьез. Он не заметил, как и когда начал делиться со своей рыжей обожательницей и всей этой историей, и собственным одиночеством, подолгу рассказывая Джине о московской жизни, о своих друзьях, по-настоящему талантливых, даже гениальных, о школьных годах – самых лучших в его жизни.

Джина слушала внимательно, заинтересованно, всякий раз удивляя его редкими, зато исключительно существенными вопросами. Спустя еще полгода, когда начался летний семестр – во время предшествовавших ему каникул Леонид с девушкой не виделись, – она буквально с первых минут встречи потрясла Славского своим предложением... Зная Джеремию Кауфмана со всей его прижимистостью, высокомерием и цинизмом как облупленного, Леонид и по сей день не мог понять, каким образом Джине удалось уломать своего отца, нынешнего тестя Славского, на то, что неизбежно должно было выглядеть в его глазах обыкновенной авантюрой.

Почему Джереми пошел на это? Из любви к единственной дочери? Вряд ли!.. Никакой особой любви к ней со стороны папаши Славский за все прошедшие десять лет так и не приметил. Более того, Кауфман, мечтавший о сыне, наследнике его ювелирной империи, так и не простил ни жене, ни дочери того, что Джина родилась девчонкой, к тому же еще и некрасивой – к слову сказать, точной копией самого Джереми.

А может быть, он заранее решил, что Славский, который наверняка окажется в итоге в ловушке, это единственная возможность выдать Джину замуж?

Был и еще один вариант: осторожный Кауфман за спинами молодых людей вполне мог обратиться к специалистам и проэкспертировать «ROZA», а мнение экспертов здесь решающее.

Да, Леонид мог тогда отказаться от предложенного Джиной заема в сто тысяч долларов на раскрутку программы, мог! И в то же время – не мог: где-то там, в Москве, свято верили в благословенную Американскую Мечту его друзья, потерю которых он ощущал в первые годы жизни в Штатах столь остро и болезненно. А сто тысяч, почти немыслимая для русского уха сумма, была как раз той, которой затем хватило на то, чтобы открыть собственный ресурс в поисковой системе «Googee», и теперь уже оставалось не только терпеливо ждать, но и проталкивать драгоценную «Розочку», привлекая к программе внимание специалистов всеми доступными способами...

Заем был дан Славскому ровно на два года. Успех пришел через четыре. К тому моменту почти три из них он был женат на Джине: если Джере-мия, ввязываясь в «авантюру», рассчитывал купить мужа для единственной дочери, он не ошибся. Если Джеремию, заручившись мнением экспертов, рассчитывал к тому же выдать Джину замуж выгодно, он тоже не ошибся. Конечно, Кауфман мог обеспечить не только дочь на всю оставшуюся жизнь, но и внуков, и правнуков. И у Джины свои деньги, разумеется, были – огромное состояние, доставшееся от матери, не считая теперь уже почти миллиарда, принесенного им с мужем «Розочкой».

Однако Джеремию, так и не заполучивший вождя наследника, желал иметь не просто зятя, а зятя, способного, когда его самого не станет, не просто сохранить, но и приумножить семейный капитал. Впрочем, жить Кауфман собирался еще долго, несмотря на свои семьдесят с хвостиком, и не сомневался в том, что внуков дождется, хотя десять лет брака его дочери ожидаемых результатов пока не дали. В крайнем случае Джина, несмотря на то что была не наследником, а всего лишь наследницей, голову на плечах имела: по прошествии времени ее отец не мог этого не признать. И деньги любила, умела приумножать ничуть не хуже Дже-ремии...

А вот зять его довольно быстро разочаровал: типичный «русский еврей» из тех, которых у них в Штатах справедливо считают «блаженненькими»! Спасибо Господу Богу, что хоть стихов не пишет, как некоторые, вообще литературой не балуется, – увлечение бесполезной словесностью отец Джины глубоко презирал. Впрочем, в бизнесе зять все равно мало что понимал! Хорошо хоть умной головы его дочери хватает и на дела мужа, и на то, чтобы вникать в дела отцовской корпорации! Жаль, что до сих пор она никого не родила, однако доктора уверяют, что с обоими супругами в этом отношении все в порядке, а время впереди еще есть...

– Миста Люк... – Леонид наконец услышал голос слуги и, слегка вздрогнув, отвернулся от окна. Пора было ехать в аэропорт, Ромкин самолет должен прибыть через два с половиной часа.

То, что к ее мужу прибывает в гости один из его легендарных московских друзей, Джина, конечно, знала. Но о том, что прилетит он не просто в гости, они друг с другом не обмолвились ни единым словом. Леонид просто-напросто так и не придумал, каким образом сказать об этом жене, а она... Когда-то, давным-давно, он рассказывал ей об истории программы «ROZA», кажется, и о соглашении между ним и ребятами тоже говорил. Однако, судя по тому, что Джина молчит, она давным-давно об этом успела забыть.

Леонид Ильич Славский глубоко вздохнул, кивнул камердинеру и шагнул вслед за ним к дверям, с горечью подумав о том нелегком разговоре, который предстоит им с Ромкой, возможно, даже сразу после первых объятий. Как-то Роман прореагирует на его предложение?... Все-таки пятнадцать лет прошло, целых пятнадцать лет!

Покидая роскошное поместье, с тем чтобы отправиться в аэропорт, Леонид не подозревал о двух вещах. Во-первых, о том, что его жена в этот момент не только не спала, но вообще не лежала в постели, а, вполне одетая для выхода из дома, задумчиво прогуливалась по своему будуару, ожидая, когда лимузин мужа покинет территорию поместья.

Во-вторых, о том, что об их соглашении, а главное, что основным автором «ROZA» является вовсе не ее супруг, она не забыла... Джина таких вещей не забывала никогда. В отличие

от Леонида, никакого уныния она не испытывала, а пребывала в состоянии вполне делового подъема, характерного для миссис Слаффски на старте очередной затеваемой ею операции, связанной с бизнесом. Особенно когда речь шла о приумножении или тем более охране капитала.

Джина подошла к зеркалу, пристально взглянула на свое лицо, к некрасивости которого привыкла и даже успела с ней смириться. Сейчас, однако, упомянутая некрасивость сглаживалась особым, почти кошачьим блеском ее небольших зеленоватых глаз, отчего они казались и больше, и ярче. Улыбнувшись собственному отражению, она развернулась в сторону двери, ведущей из будуара в спальню: как раз вовремя, чтобы обнаружить входившую в нее пожилую негритянку – горничную, преданно служившую своей хозяйке последние восемь лет.

– Мистер Люк уехал, – сухо доложила та, на дух не переносившая Леонида. И слегка улыбнувшись, добавила: – Ваша машина, миссис Слаффс-ки, ждет вас, как и было приказано, со стороны нижней веранды, у эркера...

С точки зрения Виктора Александровича Банникова, его нынешняя секретарша Наталья была лучшей из череды своих предшественниц. Конечно же, он с ней спал, то бишь занимался любовью непосредственно в комнате отдыха, смежной с его кабинетом, а то и вовсе в самом кабинете, на длинном столе для заседаний, примыкавшем к рабочему.

И, вне всяких сомнений, лучшим из комплиментов, которые она слышала от своего шефа, если не считать смачного, почти отеческого поцелуя в финале соития, была двусмысленная фразочка из безграмотной попсовой песнюшки: «У меня мурашки от моей Наташки...» Тем не менее никаких попыток нарушения субординации и «протокола» в промежутках между совместными утехами за ней не числилось. Опять же – в отличие от ее предшественниц.

Тем более поразительным явлением было появление Наташи в его кабинете в самый разгар крайне неприятного делового разговора со вторым заместителем генерального без какого бы то ни было предупреждения. Дверь просто-напросто распахнулась, причем настежь, едва не стукнувшись об «евростену», и девушка возникла на пороге, бледная, с дрожащими губами, готовая разреветься...

– В чем дело?! – рявкнул и без того выведенный из себя Банников. Разговор со вторым замом действительно был пренеприятнейший: основной контракт, на который он возлагал огромные надежды и который должны были вот-вот подписать, явно пролетел, как фанера над Парижем... Гигантскому алюминиевому заводу из Сибири конкуренты предложили куда лучшие условия. Из таких, которые он позволить себе в последний год просто не мог...

– Пр-ростите... – У Наташи на глазах действительно показались слезинки. – Он... Он говорит, если я вас с ним не соединю, он м-меня ув-волит...

Виктор Александрович округлил брови и примерно секунду смотрел на девушку, ничего не понимая, потом нахмурился:

– Кто?

– Бакашин какой-то... Ой, нет, Баканин...

– Ч-черт... Спятил он, что ли?! – Виктор Александрович все еще зло поглядел на Наташу и нехотя буркнул: – Соедини...

Девушка моментально исчезла, на этот раз осторожно и бесшумно прикрыв за собой дверь, и почти сразу телефонный аппарат на столе Банникова ожил.

– У тебя что, пожар?! – Виктор Александрович не счел нужным поздороваться с Алексеем.

– Что-то вроде! – В голосе друга слышалась тревога. – Прости, если не вовремя, но мобильный ты отключил... Словом, Ромка пропал!

– То есть? – На лице Банникова отразилось недоумение. – Как это – пропал?

– Два часа назад звонил Славка из Штатов: Роман в Нью-Йорк не прилетел! Он вообще на этот рейс, как выяснилось, не регистрировался. Это уже я по своей инициативе выяснил!..

– Ты хочешь сказать, что после вчерашнего он просто-напросто проспал? Но я же специально, чтоб не было накладок, такси ему заказал... Слушай, что за черт?!

– Вот и я о том же!

Виктор нахмурился и невидящим взглядом вперился во второго зама.

– Ни хрена он не проспал! Во-первых, я звонил Марте, таксист к ним и правда приходил, только Ромка к тому моменту уже отбыл из дома собственным ходом. Во-вторых, если бы что-то не вышло со временем, он что, не позвонил бы тебе или мне? Вить, мне здорово не по себе...

– Да брось ты... – неуверенно произнес Банников. – Ромка такой амбал, а если учесть Чечню...

– Сам знаешь, и на старуху бывает... Вот черт, ты прям как мой отец, тот то же самое сказал...

– Кстати, о твоём отце: он гость отставной, но все же эмвэдэшник, он что, не может своим позвонить, чтобы... Да нет, не может быть, чтоб с Ромкой...

– Отец уже позвонил, говорит – выясняют, – перебил его Алексей. – Я, собственно говоря, надеялся, вдруг ты что-то знаешь... Выходит, еще меньше моего. Извини, что оторвал от дел!

– Да брось ты... Если что-то прояснится, звони, мобилу я сейчас включу...

Банников положил трубку, продолжая пристально смотреть на своего зама по-прежнему отсутствующим взглядом.

Тот неловко поерзал на своем стуле и наконец нерешительно поинтересовался:

– Виктор Александрович, что-то случилось?...

– А?... – Взгляд его шефа стал более осмысленным, он нахмурился: – Будем надеяться – ничего серьезного... В отличие от того, что произошло у нас! Ты, Валентин Петрович, сдаётся мне, уже со вторым подряд клиентом не в силах договориться?

Валентин Петрович, и без того бледный в результате предыдущего разговора, позеленел:

– При чем тут я? – В его голосе звучала подлинная обида. – Что я могу сделать, если Колесников (речь шла о финансовом директоре) не в состоянии выбить приличный кредит?... А без кредита мы, сами знаете, как без рук сейчас! За ту цену, которую предложили заводчикам эти суки из «Ин-тера», поставлять ни компы, ни программное обеспечение тем более мы не можем, прямой убыток, – вот же, все документы я подготовил! – Заместитель пододвинул поближе к Банникову раскрытую папку. – Так при чем тут, спрашивается, я?

Шеф молчал, думая о чем-то своем, и, к удивлению Валентина Петровича, явно не о погоревшем контракте. Пауза получилась длинной. Наконец Банников вздохнул, отодвинул от себя документы.

– Ладно, иди, будем думать... Скажешь Колесникову, чтобы зашел ко мне часа в три... Нет, в половине четвертого: есть у меня одна мыслишка насчет кредита... Заводчикам пока не отказывай, пусть думают, что на новые условия мы пойдем. Все, свободен!

Между тем, переговорив с другом, Алексей Сергеевич Баканин, наверное, в третий раз за утро позвонил отцу:

– Ну что?

– Ничего! – Генерал был явно не в духе. – Как тебе известно, скоро только котята родятся! Ребята два часа назад только в Шереметьево выехали... Звонили мне минут пять назад, на регистрации он точно не объявлялся... Девушки там приметливые, по снимку опознали бы тут же. Не скажешь, какого лешего вы это все вообще затеяли?!

По тому, как взорвался Сергей Иосифович, Алексей понял, что в отличие от предыдущего разговора отец успел пересмотреть свое отношение к Ромкиному исчезновению. Просто так человек, да еще такой, как Белецкий, раствориться в воздухе не может, значит...

– Лично я ничего не затевал, – сдавленно произнес Алексей. – Ты мне лучше скажи, что, с твоей точки зрения, могло случиться?

– Что-что... Да что угодно! – Генерал продолжал злиться, и это было плохим, очень плохим признаком. Помолчав, он продолжил: – Пару лет назад, по-моему, в четвертом году, так или почти так, пропал один летчик... Ехал он, правда, из Шереметьева в Москву, а не наоборот, – после рейса...

– Что за летчик?

– Прилетел с посадкой в Средней Азии... В последний раз его видели, когда садился в машину явного «левака»: за рулем баба была, блондинка. Ну и все!

– Что – все?

– А то!.. Труп только через два месяца нашли, когда снег в лесопосадке, которая вдоль трассы идет, стоял: убит был из «макарова» старого образца, ствол там же обнаружили... Позже выяснилось, летчик к наркотрафику отношение имел...

– Пап, – внезапно охрип Алексей, – ты это к чему?

– К тому, – жестко сказал генерал, – что, если Ромку твоего и впрямь того... Скорее всего, обнаружить это удастся не скоро...

Этот день у Алексея Баканина вообще выдался каким-то горько-мутным, дурным. После разговора с отцом работа валилась из рук. О чем говорили на послеобеденном совещании у Генерального, спустя пять минут после того, как освободился, он не смог бы вспомнить и под угрозой смертной казни. Перед глазами у Баканина неотступно маячила Мартуся – ее нежное, испуганное лицо с широко распахнутыми синими глазами, в которых стыли отчаяние и ужас: к ней он, под каким-то предлогом свалив ненадолго из банка, заезжал по просьбе отца за фотографией Ромки... Ну и не стал лгать, признался, для чего понадобился снимок. Во-первых, лгать Баканин вообще не умел. Во-вторых, сделать это под пристальным, почти нереально-проницательным Мартусиным взглядом было просто невозможно.

Теперь Алексей сидел в своем небольшом каби-нетике и мучился угрызениями совести: надо было все-таки солгать, придумать любой предлог... Хотя, с другой стороны, как объяснишь вопрос насчет того, во сколько уехал Роман? А в сочетании с просьбой о фото... Марта никогда не была дурочкой... И до чего же мужественная девочка! Никаких истерик, паники... Только губки свои сжала крепко-накрепко. В отличие от бабульки-соседки, которая тут же заохала-закудаhtала, словно курица-наседка.

Ближе к вечеру позвонил Банников, которому Алексей сухо и коротко пересказал историю про летчика, услышанную от отца. Больше сказать было все равно нечего. Но Витька – он и есть Витька: как-то удивительно ловко свел разговор, слегка попереживав вслух, на себя, любимого: кредит ему, видите ли, понадобился!

Баканин, услышав названную другом сумму, объяснил, что кредитов такого масштаба их банк не дает никому. Да, даже по благу. И по дружбе – тоже, тем более что от него, Алексея, раздача пряников вообще не зависит, сколько раз это можно повторять? На том и расстались. И чем ближе к вечеру, тем тяжелее было у него на душе. Звонить Марте он не стал, вместо этого отправился к Белецким сам, дабы лично убедиться, что девочка в порядке, насколько это в сложившихся обстоятельствах возможно. Попробовал позвать с собой Витьку, но у того, как выяснилось, на вечер было заранее назначено решительно неотменимое деловое свидание... Знаем мы эти «деловые свидания»! Небось с какой-нибудь очередной длинноногой фрей, обладательницей огромных и глупых, как у теленка, очей и тонкого нюха на мужские кошельки... Витька неисправим. В свое время первым из друзей сделался «настоящим мужчиной», дай-то бог памяти, лет, наверное, в пятнадцать. Да так и не женился к своим тридцати «с хвостиком», продолжая веселиться с прежним энтузиазмом!

Впрочем, сам Алексей женился недавно: из четверых друзей супругой своевременно обзавелся только Славский в своих Штатах. Как подозревал, основываясь на некоторых сведениях, полученных от Ленкиной кузины Сонечки, Баканин, Ленка женился вроде бы не совсем по любви, а возможно, и совсем не по любви... Впрочем, Сонька всегда была не только шлюхой, но и злопыхательницей. И, как убедился Алексей, встретив ее случайно на Тверской с месяц назад, за прошедшие годы ничуть не переменялась.

Визит к Белецким вышел не только грустный, но и неловкий: сказать что-либо утешительное Мартусе и этой их добрейшей старушенции Баканин не мог. Разве что заверить, что ищут Ромку полным ходом. Вот тут он все-таки соврал: какой уж «полный ход», если официальное заявление об исчезновении Романа можно будет подать только через два дня? Просто отцовские коллеги из добрых чувств к генералу послали в аэропорт парочку оперов – вот и весь «полный ход». И, судя по Мартусиному взгляду, она это поняла. Вскоре Алексей, почувствовавший себя совсем паршиво после жалкой попытки взбодрить расстроенных и напуганных женщин, засобиравшись домой. И, очутившись за рулем своей поношенной «бээмвухи», даже почувствовал некоторое облегчение. Зачем, спрашивается, приперся? Мог бы и звонком обойтись.

Он снова подумал о Витьке, который, в отличие от него, поступил куда разумнее. Потом, уже застряв в поздней пробке, образовавшейся из-за какой-то крупной аварии на шоссе, решил, что по крайней мере пока они с Банниковым должны поддерживать Марту материально: вопрос в том, под каким соусом поднести это ей? Алексей не сомневался, что девочка, обладавшая не только сильным, но и гордым характером, наверняка заартачится. Что же ей, если с Романом действительно случилось страшное, на инвалидную пенсию существовать?...

К своему дому он подрулил уже за полночь. Авария оказалась серьезной, и в пробке он простоял почти сорок минут. И вот абсолютная темнота в подъезде и не работающий соответственно лифт. В их престижном, расположенном почти в центре доме такое в последний раз случалось, вероятно, года три назад. Алексей в досаде сплюнул и обреченно потащился на свой шестой этаж.

Алексей Сергеевич Баканин никогда не был особо сильным физически, никогда не отличался, как тот же Ромка, хорошей реакцией. Поэтому он и не сразу понял, что, собственно, происходит, когда чья-то железная рука пережала ему гортань. Рука возникла из тьмы, откуда-то из-за спины, и Алексей рефлекторно схватился за нее, больше напоминающую толстенную металлическую трубу, обеими руками, пытаясь освободиться от нечеловечески сильной хватки... Но убийца и не собирався его душить.

В следующее мгновение острое лезвие точно и легко вошло сзади под левую лопатку Баканина – адская боль рассеяла тьму подъезда, превратившись в огненную крутящуюся воронку, необратимо потянувшую его в свой полыхающий смертоносный омут. Спустя секунду убийца выпустил из рук обмякшее тело своей жертвы.

Спускаться он не стал, почти спокойным шагом направившись вверх, к двери, ведущей на чердак, а оттуда – на крышу... Пути отхода с места убийства он изучил заранее, а удача, как обычно в таких случаях, сопутствовала ему.

Спустя тридцать минут убийца уже садился в неприметный серый «жигуль», поджидавший его в одном из соседних с элитным домом переулков, предварительно аккуратно протерев смертоносное лезвие и убрав его под сиденье. Элитным дом на деле оказался только по названию – ни охраны в подъезде, ни консьержки. Лишь домофон хорошо знакомой убийце конструкции. Единственная накладка – ждать пришлось дольше, чем он рассчитывал. Но это даже лучше: собачники успели выгулять своих тупых питомцев: ни один из них не тявкнул в сторону чердака, где он прятался в ожидании своей жертвы.

4

Прежде чем взяться за средней толщины пачку документов, поджидавшую его на рабочем столе с вечера, Александр Борисович Турецкий, помощник Генерального прокурора России, важняк с безупречным следственным опытом, осторожно водрузил с помощью левой руки локоть правой на столешницу... После недавнего ранения¹ предплечье все еще болело. Правда, доктор утверждал, что это – чисто психологическое явление. Саша ему не верил, полагая, что пуля, настигшая его в собственной машине, наверняка задела какой-то нерв, а врачи данный факт не углядели. Результаты последнего рентгена в их правоте его тоже не убедили.

Турецкий посидел немного просто так, бездумно уставившись в пространство, потом вздохнул, нахмурился и со слегка брезгливым выражением на осунувшейся за время болезни физиономии открыл наконец папку с бумагами: похоже, теперь ему предстоит не один месяц, а возможно, и год влачить жалкое существование «кабинетной крысы»... Однако углубиться в документы он не успел: селектор на столе Александра Борисовича ожил и голосом непосредственного начальника и старинного друга Кости Меркулова коротко скрипнул:

– Саня, зайди!

Такие вот ранние, еще до ежедневной летучки, вызовы к шефу, как правило, ничего хорошего не сулили. Но сегодня Турецкий был даже рад возможности оттянуть неизбежное общение с документами. И спустя пять минут, миновав приемную Константина Дмитриевича и, как всегда, ласково подмигнув его бессменной секретарше Клавдии, входил в кабинет Меркулова.

Костя был не один: помимо него в довольно тесном, но всегда хорошо проветриваемом кабинете находилось сразу два генерала, кроме того, в кабинете против обыкновения оказалось накурено – хоть топор вешай... Один из посетителей был Саше незнаком: сухощавый, пожилой, с абсолютно седыми волосами и серым, осунувшимся лицом. Зато при виде второго Турецкий улыбнулся и удивленно поднял характерным движением бровь.

– Ка-акие люди в гости к нам! – прокомментировал он появление в кабинете Меркулова (между прочим, без предварительного захода к нему самому!) еще одного своего старого друга, заместителя главы Первого департамента МВД Славы Грязнова.

На его попытку разрядить дымную и отчетливо напряженную атмосферу, тоже против обыкновения, никто должным образом не прореагировал, а непосредственный начальник даже соизволил слегка поморщиться:

– Садись, Саша... Знакомься, – он слегка наклонил голову в сторону незнакомого генерала, – генерал-майор МВД в отставке Сергей Иосифович Баканин... А это, Сергей Иосифович, и есть Александр Борисович Турецкий!

Обменявшись с поднявшимся со своего места Баканиным рукопожатием, Саша присел на жесткий диванчик напротив стола Меркулова и вопросительно уставился на Костю.

– Вот что, Саша. – Меркулов откашлялся. – У Сергея Иосифовича неделю назад убили сына... Как полагает он сам, причина убийства кроется в весьма странной истории, началась которая очень давно...

– Пятнадцать лет назад, – произнес Баканин и, повернувшись к Турецкому, посмотрел на него покрасневшими от горьких, бессонных ночей глазами. – Александр Борисович, я много о вас слышал... – Он на мгновение умолк, словно что-то сдавило ему гортань. Потом продолжил тихим, немного хриловатым голосом: – Я уверен, если кто-то и сумеет разобраться в случившемся, найти убийцу моего сына и его друга, так это вы...

¹ См. роман Ф. Незнанского «Возьми удар на себя».

Саша бросил быстрый вопросительный взгляд на Меркулова и вновь со всем возможным вниманием сосредоточился на Баканине, вызвавшем у него с первых же слов острое сочувствие и несомненную симпатию.

Меркулов правильно истолковал взгляд Турецкого и тут же поспешно пояснил:

– Дело в том, что примерно за сутки или чуть больше до убийства Алексея бесследно исчез имеющий ко всей этой истории прямое отношение друг сына Сергея Иосифовича... Прямых свидетельств этого убийства нет, труп пока не найден, но судя по всему...

– Так, – прервал Константина Дмитриевича Турецкий, – поскольку я пока ничего не понимаю, было бы неплохо объяснить все сначала...

– Если никто не против, можно я? – заговорил молчавший до сих пор Вячеслав Иванович Грязнов. Саша понял, что не любящий излагать свои мысли, так же, как и все прочее, вслух, Славка, видимо, решился на это исключительно из сочувствия к генералу Баканину. Судя по непривычной задумчивости меркуловского кабинета, мужчины сидели здесь давно, и Сергею Иосифовичу, вероятно, уже довелось (наверняка не в первый раз!) рассказывать свою историю.

А история и впрямь оказалась странненькая... Александр Борисович, отродясь не приветствовавший те моменты своей жизни, когда на него сваливалось очередное тухлое дело, сам не заметил, как в его душе, видимо, успевшей за долгие больничные недели основательно стосковаться по работе, вначале зародился, а затем и разгорелся не только интерес, но и тот самый кураж, который вел его по жизни в особо сложных расследованиях. Несмотря на скудность Славкиного изложения, отнюдь не грешившего художественными деталями, он словно вживую увидел и четверых друзей-мальчишек, создавших на гениальном прорыве (во всяком случае, так это было, по мнению генерала Баканина, изредка вмешивавшегося в монолог Грязнова) принципиально новую по своей сути программу поиска в Интернете. Их так по-разному сложившиеся за эти годы судьбы. И когда наконец Константин Дмитриевич передал Турецкому через стол пачку снимков, верхние из которых принадлежали фигурантам странного дела, Александр почти не удивился, что именно такими и представлял этих ребят, слушая Вячеслава Ивановича. Первые фотокарточки относились к далекому уже девяносто первому году...

На остальных перед ним оказались последовательно трое вполне взрослых мужчин, удивительно не похожих друг на друга, да и на самих себя пятнадцатилетней давности тоже... Наконец пошли и профессиональные снимки с места преступления...

– Как вы понимаете, – произнес генерал Баканин, устало наблюдавший за Турецким, – современных снимков Славского у меня нет.

Александр Борисович задумчиво кивнул и повернулся к Меркулову:

– Насколько понимаю, дело открыто в Центральном округе. Что успели сделать ребята с «земельки»?

– Фактически ничего, – вмешался Грязнов-старший, которого так называли, дабы отличить от имеющегося Грязнова-младшего, его племянника Дениса Андреевича, владельца едва ли не лучшего в Москве ЧОПа «Глория». Вячеслав Иванович дотянулся со своего места до стола Меркулова и подтолкнул к Турецкому тонкую папку: – Здесь все протоколы с места преступления и протоколы дознания соседей... Которые, как водится, ничего не видели, ничего не слышали...

– Алеша жил в старой «сталинке», – подал голос Баканин. – Стены там сработаны на совесть, а время было позднее. К тому же дом довольно специфический, проживают в основном отставники из тех, кто получал квартиры в семидесятых... В общем, старые люди, ведущие соответствующий образ жизни.

– Замкнутый, – кивнул Александр Борисович. – Это понятно... Теперь второе, Костя. Насколько я понял, объединять это дело с делом об исчезновении Белецкого никаких законных оснований пока нет?

– Правильно, нет... Тебе придется принять к производству два разных дела: о том, чтобы нам передали из округа все, что нужно, я позабочусь сам. Думаю, там только рады будут сбавить в Генеральную явный «висяк».

– Ну, в этом можно не сомневаться, – невольно усмехнулся Турецкий. – Надеюсь, оперативно-следственную группу я могу сформировать по своему усмотрению? И, конечно, Слава, на тебя я рассчитываю!

Он красноречиво посмотрел на своего друга, ничуть не сомневаясь в том, что именно Грязнов-старший активно поспособствовал тому, чтобы трагедия, случившаяся с его бывшим коллегой, сделалась достоянием Генпрокуратуры в принципе и его, Саши, в частности.

– Не сомневайся! – серьезно кивнул Вячеслав Иванович. – Я тебе больше скажу: у меня Володя Яковлев сейчас занят делом, которое на контроле у самого Президента. Но если он будет тебе нужен, я и его с этого дела сниму!

– Будет, – кивнул Турецкий. – И он, и Галя Романова... Кстати, есть у тебя опера, свободно владеющие английским? Не исключено, что в Штаты все-таки придется отправляться, а я – сам видишь, пока что не вполне транспортабелен...

– Так у тебя же в Штатах, – немедленно вмешался Меркулов, – полно знакомых, чуть ли не приятелей!.. Ну, этот, как его... который еще, уйдя из полиции, открыл частное детективное агентство... Прямо то, что надо!..

– Вижу, ты заранее о расходах беспокоишься. – Саша усмехнулся и покачал головой: – Ну и прижимист же ты стал, Костя... Ладно, насчет Вутервуда ты, пожалуй, прав. Но, дорогой Костя, не думаешь же ты, что Патрик станет работать на нас за красивые глаза и голливудскую улыбку? Если так, ты сильно заблуждаешься! А гонорары у него – о-го-го!..

И, увидев, как нахмурился Константин Дмитриевич, тут же поспешил успокоить шефа:

– Ладно, не кисни, что-нибудь придумаем... Помимо Патрика есть ведь и официальные каналы, хотя задействовать их в этой истории будет сложновато...

– Не нужно пока их задействовать, – подал голос генерал Баканин. – Подключайте вашего Патрика, я все оплачу... Все!

Саша смущенно посмотрел на Сергея Иосифовича, сообразив, что чересчур увлекся и начал обсуждать в присутствии Баканина, который и без того потрясен своим горем, то, что обсуждать при нем не следовало.

– Деньги у меня есть. – Генерал, казалось, не считал поведение Турецкого вопиющей бестактностью. – Пусть вас не волнует даже очень крупная сумма... Только выясните, сколько необходимо внести в качестве аванса, я переведу деньги тут же, по «Вестерн-юнион»... – Он протянул Турецкому визитку и с видимым усилием поднялся со своего места. – Если... То есть как только возникнут ко мне вопросы – по этим телефонам со мной можно связаться. Звоните в любое время суток.

Мужчины тоже поднялись, провожая Сергея Иосифовича. После того как дверь кабинета за генералом закрылась, некоторое время все молчали. Константин Дмитриевич сам поднял фрамугу окна, дабы выветрить дым: кондиционеров он не признавал, вычитав где-то, что это устройство крайне вредно для здоровья. Вернувшись за свой стол, он поглядел на задумчиво сидевших Турецкого и Грязнова:

– Ну, что приуныли-то, генералы? Или предстоящая работка не радует, Саня? Так благодари за нее на сей раз своего дружка Славу, его протекция. – Усмехнувшись, Константин Дмитриевич кивнул на Грязнова-старшего. – Как, кстати, себя чувствуешь?

– Нормально... А лишняя работа, Костя, даже ломовых лошадей не радует, хотя дело не в этом: просто думаю, кого из своих сыщиков брать в группу в качестве второго следака... Слав, у Баканина, похоже, сын-то был единственный?...

– То-то и оно, – с горечью отозвался Вячеслав Иванович. – Он, Сашка, на самом деле – железный мужик... Другой бы на его месте уже с инфарктом лежал после такого: совсем один

остался на всем свете. Вот у меня хоть Дениска есть, я его, как собственного сына, люблю, да, собственно говоря, за сына и держу... А у Баканина – никого... Я бы эту сволочь, убившую Алешку!..

Грязнов увесисто рубанул ребром ладони по подлокотнику кресла, в котором сидел, и даже не поморщился.

– Ты Алексея хорошо знал? – сочувственно спросил Турецкий.

– Не так, конечно, как Сергея, зато с детства, – хмуро ответил Вячеслав Иванович. – Отличный был у него парень, уж ты мне поверь... Даже удивительно, что ввязался в эту историю с миллионами... Уверен, не его это инициатива была: либо их друга-бизнесмена, либо, что скорее всего, пропавшего Белецкого.

– Почему «скорее всего»?

– У Белецкого сестра-инвалид, совсем еще молодая. Больше десяти лет – лежащая, после автокатастрофы, говорят, ей может помочь операция, но очень дорогая и чуть ли не за рубежом... Ну а жили они более чем скромно: Белецкий после ранения в Чечне работу нашел с трудом. Кажется, простым работягой пахал...

Александр Борисович покачал головой:

– М-да-а-а... Вот она, жизнь... Талантливые мальчишки, спецшкола математическая... А один в бизнесмены подался, другой и вовсе... А Алексей чем занимался?

– Заместитель по социальным связям в каком-то микробанке, – с горечью усмехнулся Слава. – Судьба, говоришь?... Вот она, матушка-Россия, а уж что касается судьбы, так это производное от первого!

Они немного помолчали, не обращая ни малейшего внимания на недовольное выражение на лице

Меркулова: Константин Дмитриевич не любил, когда претензии к конкретным людям и обстоятельствам на глазах перерастали в те, что он считал политическими. Даже если отлично понимал, что его собеседники правы.

– Забирай документы, Саша, – прервал он друзей, – и, если вы не против, перемещайтесь в твой кабинет. У меня и так уже летучка на час вниз перенесена... Кстати, ты можешь сегодня не присутствовать.

– Вот уж спасибо так спасибо! – Александр Борисович произнес это довольно ядовито и, тут же поднявшись, кивнул Грязнову на дверь: – Пошли-ка, Слав, пока шеф не передумал и не усадил меня совещаться! Пойдем, покумекаем вместе, что да как...

Уже в Сашином кабинете по-прежнему хмурый Вячеслав Иванович поинтересовался:

– Ну что, решил, кого из своих возьмешь в качестве второго следователя?

– Решил. – Александр Борисович уселся за свой стол впервые за все послебольничное время, легко водрузив на него обе руки и даже не заметив этого. – Я понимаю, Слав, что Померанцев тебя периодически раздражает своим... э-э-э... темпераментом, но Поремский сейчас в командировке, а Перова по уши закопалась сразу в четырех делах, которые ведет. Так что...

То, что упомянутый Валерий Померанцев и впрямь периодически во время совместной работы выводил Грязнова из себя, было чистой правдой: этот молодой важняк являлся не самым дисциплинированным в смысле соблюдения субординации сотрудником Турецкого, а сам Александр Борисович, с точки зрения Вячеслава Ивановича, его в этом качестве периодически чуть ли не поощрял... Уж точно, разбаловал и распустил! Однако отрицать, что Валерий – спец высокого класса и при необходимости способен виртуозно выполнять не только свою часть работы, но и оперативную, было никак нельзя. А посему, поморщившись для порядка, Слава покладисто кивнул:

– Померанцев так Померанцев... Давай зови своего полуопера-полуважняка, что ли... А я пока с Яковлевым и с Галей свяжусь. На сколько их вызывать?

– А чего тянуть? Пускай, если свободны более-менее, прямо сейчас и едут... Кстати, твой Денис в городе?

– Думаешь, понадобится?

– Не исключаю, – кивнул Турецкий. – Видишь ли, поскольку Баканин вполне платежеспособен, возможно, и дешевле, и рациональнее отправить в Штаты Дениса: аглицкий он знает, на мой взгляд, только чуть хуже русского.

– Что ж, согласен. – Впервые за это утро Вячеслав Иванович улыбнулся – с гордостью за похвалу племяннику. – Может, тогда твоему Патрику и вовсе не будем звонить?

– Звонить ему мы будем обязательно и в любом случае, – не согласился Саша. – У Вутервуда связи, даже по американским меркам, фантастические. Ты хоть представляешь, сколько нам понадобится информации и какой именно?

– Вполне!

– Вижу, что не вполне, родительская гордость очи застит. Как думаешь, сведения о величине капитала Славского кому легче раздобыть, если это вообще возможно? Американцу со связями или приедем русскому? А?... То-то и оно!..

Турецкий нажал клавишу своего селектора и, едва его секретарь Наташа отозвалась, попросил ее разыскать Померанцева, бродившего где-то в коридорах управления. После чего продолжил:

– Далее – сама семья Славских. Ну, не наруж-ку же за ними там устанавливать. А если устанавливать, то предварительно опять же собрав уйму сведений, в том числе и об образе жизни, о местах, в которых бывают, о возможных контактах в России...

– Все-все! Понял, не дурак, – обиженно прервал его Вячеслав Иванович.

Турецкий хотел возразить, что и не собирался называть своего старого друга столь неприглядно, но не успел. В дверь постучали, и, сразу же распахнувшись, она пропустила стремительно влетевшего Валерия Александровича Померанцева: высокого изящного брюнета с насмешливым, умным и ироничным лицом, весьма привлекательного, подвижного и, насколько знал Турецкий, большого любителя прекрасного пола, – именно последнее обстоятельство, видимо, и поспособствовало тому, что в свои тридцать «с хвостиком», плавно трансформирующимся в полноценный «хвост», Померанцев являлся почти хроническим холостяком.

– Здравс-те, Сан Брисович, вызывали?... Здравс-те, Вячеслав Иванович!

– Вызывал-вызывал... Проходи и садись, нечего вертеться посреди кабинета волчком!

Нарочито сердитый тон явно был избран Турецким на потребу Грязнова. Отлично понявший это Померанцев усмехнулся и притих.

На то, чтобы ввести Валерия в курс дела, у Александра Борисовича ушло почти двадцать минут. Реакция подчиненного его вполне удовлетворила, поскольку была точным повторением его собственной: искорка интереса, вначале едва мелькнувшая в глубине темных глаз Померанцева, в конце концов превратилась в настоящий костер:

– Ну и ну... – Валерий возбужденно покрутил головой. – В жизни ничего подобного не слышал! Неужели взрослые вполне люди могли отнестись всерьез к этим своим фактически детским играм?! Настолько, чтобы начать отстреливать претендентов?

– Да не егози ты! – все-таки не выдержал Вячеслав Иванович. – Вместо того чтобы суесться и ахать, вникни: по штатовским законам эта, с твоей точки зрения, детская бумаженция есть вполне весомый юридический документ! Под которым стоит в том числе и подпись самого Славского...

– Ясен пень, он и организовал охоту за бывшими друзьями! – снова встрял Померанцев. – А кто ж еще-то?

– А вот это нам и предстоит выяснить, – на сей раз Валерия прервал шеф. – Понимаю, соображать вот так, с налета, непросто, но все же мог бы: есть ведь еще и третий, пока что живой, слава богу, из друзей-россиян. Бизнесмен Виктор Александрович

Банников: его придется проверять от и до, включая все его связи, как рабочие, так и личные.

– А-а-а... Ну да, – кивнул Померанцев, – если весь доход от поисковой программы делится в равных долях, то после гибели этих двоих доля бизнесмена существенно увеличивается... Понял!

– Молодец! – ядовито заметил Грязнов. – Кстати, Банников после убийства Баканина настолько напуган, что даже на работу уже с неделю как перестал ездить, все дела свалил на своих замов. Охрану удвоил и сидит безвылазно на своей даче в Переделкине...

– Откуда дровишки? – поинтересовался Саша.

– От Сергея Иосифовича, – вздохнул Слава. – Ездил он к нему... Говорит, что тот горюет не меньше его самого, вроде бы даже бриться позабыл... Ну, не знаю. Проверять все равно придется все. И всех.

Мужчины помолчали.

– Александр Борисович, – уже гораздо спокойнее спросил Валерий, – а что будет с делом об исчезновении этого «чеченца»? Оно вроде как не по нашей части?

– Пока не по нашей, – согласился Турецкий. – И пока то да се, собственно говоря, для этого я тебя и вызвал...

Немного покопавшись в только что полученной от Меркулова папке с документами по делу об убийстве Баканина, Александр Борисович извлек оттуда простой листок, исписанный наполовину крупными буквами – Саша уже запомнил, это был почерк генерала Баканина.

– Вот тебе, Валера, что-то вроде справки, делом Романа Антоновича Белецкого занимаются в ОАО... Поезжай-ка ты в указанное здесь УВД, к следователю... Ага, Китаеву Илье Владимировичу, дело Белецкого пока что ведет он. Ознакомишься в неофициальном порядке, возможно, придется навестить его родных... Адрес тут тоже есть. Ну, что возможно – я имею в виду бумаженции, – отксеришь.

– Ехать прямо сейчас? – деловито поинтересовался Валерий.

– А чего ж тянуть-то? Только постарайся к четырем вернуться, я в шестнадцать ноль-ноль собираю всю группу на первое совещание. – И, поймав заинтересованно-вопросительный взгляд Померанцева, усмехнулся: – Хочешь знать, с кем придется работать на сей раз? Успокойся, останешься доволен, никаких представителей посторонних структур не предвидится!

– А опера?

– Яковлев и твоя любимая подруга Романова... Я ж говорил – останешься доволен!

5

Илья Владимирович Китаев, следователь УВД Северного административного округа Москвы, вздохнул и с самым что ни на есть обреченным видом посмотрел на своего коллегу из Генпрокуратуры.

– Так я и знал, – покачал он головой, – что со дня на день кто-нибудь из ваших объявится. Так и думал, что у нас, а не в окружной прокуратуре...

– Так ведь опера-то ваши работают, – усмехнулся Померанцев. – А откуда такое ясновидение?

– Откуда... Оттуда, что из МВД нам еще в самом начале звоночек был... Ну ладно, собственно говоря, это я так, использую возможность лишний раз пожаловаться на жизнь. На самом деле никаких оснований бояться проверок сверху у нас нет, работаем мы по делу Белецкого, как и положено, активно. Все оперативно-следственные действия...

– Илья Владимирович, – прервал следователя Валерий, – поверьте, что на самом деле ни о какой проверке речь не идет. Более того, думаю, со дня на день у вас дело Белецкого заберут. Просто, пока осуществляются известные вам формальности, сведения по исчезновению вашего фигуранта срочно понадобились Генпрокуратуре...

– Что, действительно заберут? – Взгляд Китаева смягчился. – Знаете, не стану скрывать, для нас это было бы облегчением, вы не представляете, насколько мы загружены!

– Мы – тоже, чего вы, видимо, не представляете, – сухо бросил Померанцев. – Так что, если можно, давайте к делу: меня интересует буквально все, что вы успели нарыть...

– Честно говоря, не то чтобы много: дело-то возбуждено было поначалу не у нас, документы по нему от шереметьевских поступили дней через семь-восемь после исчезновения Белецкого. Но кое-что есть.

Китаев, быстро перебрав бумаги, вытащил из папки несколько страниц и протянул их Померанцеву:

– Это протоколы дознания шереметьевских сотрудников: суть в том, что регистрации на рейс Роман Антонович Белецкий не проходил, то есть если он и выехал в аэропорт, то исчез по дороге. Как вы понимаете, зона поиска охватывает несколько десятков километров... При этом большая часть их – лесной массив по сторонам трассы, хотя кто сказал, что несчастье не произошло в пределах Окружной?... А главное – совершенно не ясно, каким именно образом и на чем Белецкий выехал в аэропорт... – Перед Валерием легло еще несколько извлеченных из папки страниц дела. – Вот здесь показания друга пропавшего без вести Белецкого – Виктора Александровича Банникова... Кстати, нашему оперативнику за этими показаниями пришлось отправляться к нему домой...

– Я в курсе, что Банников забаррикадировался, – усмехнулся Померанцев. – А вы в курсе, почему именно?

– А-а-а... Теперь понятно, какое именно дело у вас в Генеральной появилось и почему вы здесь. – Китаев наконец расслабился, очевидно, только тут поверив, что Валерий ничуть не лукавит относительно цели своего визита. – Что, неужели и правда кто-то подбирается к этому бизнесменишке, начав отстреливать его друзей?... Довольно необычный способ запугивания в наше время!

– Так что там с его показаниями? – Вопросы Ильи Владимировича Померанцев «не услышал».

Китаев усмехнулся и понимающе кивнул:

– Ну ладно... А с показаниями вот что. Господин Банников, по его словам, заказал своему экономному или там прижимистому другу на утро таксомотор, чтобы тот не опоздал на самолет. Утверждает, что был заинтересован в этом лично, поскольку тот намылился в Штаты

по их какому-то общему делу. А вот – показания таксиста... Заказ действительно был, однако, явившись по указанному адресу, водитель обнаружил, что Белецкий успел уехать в аэропорт еще до него.

– С родственниками Белецкого успели пообщаться? – спросил Валерий.

– Сам лично ездил, – вздохнул Китаев. – Там настоящая беда... Сестра Белецкого, такая красавица и – инвалид... Вот, прочтите сами. Это – показания ее и соседки, которая за ней ухаживает.

В кабинете следователя, совсем недавно отремонтированном, все еще стоял жесткий и навязчивый запах краски. Холодный, но на удивление солнечный апрельский день за окнами УВД заливал помещение столь ярким светом, что у Валерия, вчитывающегося в протоколы дознания, слегка заломило глаза. И поэтому даже спустя долгое время после того, как следствие было завершено, воспоминание о жертвах и фигурантах дела ассоциировались у Валерия Александровича с этим неистребимым запахом и почти невозможным по яркости светом после серой и мрачной зимы.

А сестра Романа Антоновича Белецкого и впрямь оказалась красавицей. При взгляде на бледное до прозрачности лицо Марты, на боль, затаившуюся в больших темно-синих глазах, Померанцеву невольно пришло на память выражение «иконописные черты». И от этого обстановка маленькой квартирки, окружавшая девушку, выглядела, несмотря на опрятность, почти убогой, еще более бедной, чем на самом деле.

Наверное, не стоило удивляться тому мужеству, с которым держалась Марта: ведь столько лет, проведенные в постели, в полулежачем положении, уже сами по себе свидетельствовали о силе ее характера. И тем не менее Валерий, перекинувшийся с ней в самом начале визита несколькими словами, едва сдержался, чтобы не выразить своего восхищения Мартой вслух... С первых минут общения он понял, что с ней ему не нужно опасаться ни истерик, ни слез, неизбежных в таких случаях у близких человека, ставшего жертвой преступников. То, что Роман Белецкий не просто исчез, но почти наверняка убит, сомневаться, увы, практически не приходилось. И девушка понимала это ничуть не хуже Померанцева.

– Значит, вы из Генеральной прокуратуры, – негромко произнесла она, внимательноглянув на удостоверение Валерия. И, помолчав, добавила: – Хорошо, что вы пришли, потому что я и сама собиралась вам звонить.

Померанцев посмотрел на Марту вопросительно:

– У вас есть для этого какие-то особые причины?

– Да. Но правильнее сказать, что после... после Алешеньки они появились... Мне нужно кое-что вам отдать. Я больше не сомневаюсь, что все... Все происходит по одной и той же причине.

Валерий мимолетно отметил, что девушка старательно избегает таких слов, как «убийство» и «гибель», и острая жалость с новой силой сжала сердце успевшего повидать на своем коротком еще веку не одну трагедию следователя. Однако то, что сказала Марта, невольно сосредоточило его внимание на другом.

– Отдать? – Он автоматически пододвинул стул, который для него поставила в ногах кровати полная, с припухшими от слез глазами соседка Анна Васильевна, поближе к Марте.

– Да, – серьезно кивнула девушка. – Но вначале я кое-что скажу... То есть спрошу. Можно?

– Конечно, Марта Антоновна!

– Зовите меня просто по имени, хорошо? – Она едва заметно, слабо улыбнулась. – Я вот что хотела узнать: вы в курсе, зачем Рома полетел в Штаты?

– Да, Марта Ан... Да, Марта, я в курсе. К нам обратился отец Алексея Сергеевича Бакина, он и рассказал.

– Я знаю. Дядя Сережа был у нас вчера, говорил, что собирается к вам, но он называл другую фамилию следователя... Что-то такое... – Марта слегка порозовела, смутившись. – Связанное с Моцартом, вот!

Валерий не выдержал и усмехнулся:

– Вы имеете в виду моего шефа, Александра Борисовича Турецкого! Верно?

– Точно! – Марта окончательно смешалась. – Простите... Я просто думала, что он сам приедет, собиралась отдать ему.

– Видите ли, – мягко сказал Померанцев, – Александр Борисович действительно возглавляет оперативно-следственную группу, которая будет вести... уже, как видите, ведет расследование. Но в такую группу практически всегда, особенно если дело сложное, тем более, как в нашем случае, двойное, всегда входит еще один следователь по особо важным делам, а то и двое. Вот я и есть такой номер два!

– Понятно, – кивнула Марта. – Теперь понятно, я ведь в таких вещах совсем не разбираюсь, поэтому и спросила.

– Так что вы собирались нам передать? – напомнил Валерий.

– Сейчас...

Марта ловко подтянулась на руках и, как только оказалась в полусидячем положении, запустила правую руку под свою подушку и извлекла оттуда тоненькую голубую папку-«уголок» с одним-единственным листочком бумаги, явно вырванным из школьной тетрадки...

– Понимаете, – подняла девушка на следователя огромные, серьезные глаза, – мы с Ромочкой всегда во всем советуемся друг с другом. И в этот раз – тоже... Остальные ничего не знали – ни Алеша, ни Витя... То есть, если честно, Витя до сих пор думает, что их «соглашение» пропало вместе с... вместе с Ромой... – Голос Марты впервые за время их разговора слегка дрогнул. Тем не менее ей удалось почти сразу взять себя в руки и продолжить: – Витя был уверен, что мой брат последовал его совету и взял его с собой... Но мы подумали и решили, что делать этого не стоит. Рома просто сделал три копии документа... Это же документ, верно? В общем, сделал и заверил их у нотариуса...

Изумленный Валерий во все глаза взирал на «уголок», почти не веря такой удаче, и не нашел ничего лучшего, как переспросить:

– Три?

– Ну да, три. Вообще-то саму идею копий ему Витя и подсказал. Чтобы, значит, в руки Славику оригинал «соглашения» не отдавать. Но мы решили, что лучше везти с собой две копии, оригинал оставить здесь и спрятать... А третья копия – просто так, на всякий случай!

Померанцев осторожно взял из рук Марты папку и извлек из нее листочек – действительно из школьной тетради в клеточку, успевший слегка пожелтеть от времени и едва заметно пообтрепаться по уголкам. Текст, написанный полудетским, но крупным и твердым почерком, занимал ровно половину страницы; и, едва пробежав его глазами, Валерий невольно покачал головой: только советские школьники и могли сочинить такое соглашение, удивительно напоминавшее пионерскую клятву.

«Мы, учащиеся Московской спецшколы №... (далее перечислялись имена всех четверых юных гениев), торжественно клянемся...»

Внизу, на второй половине страницы – подписи друзей, как и положено, рядом с каждой – расшифровка фамилии... Ну и ну! И впрямь документ, составленный по всем юридическим канонам.

Марта, казалось, поняла удивление Померанцева:

– Ребята, я очень хорошо это помню, переписывали все раз десять, наверное. В конце концов посоветовались с дядей Сережей, Лешиньгм отцом, он им помог. Правда, тогда к этому серьез он не отнесся, считал, наверное, чем-то вроде игры. А насчет Славика, если он, конечно,

очень сильно не изменился, я... я не верю... – Девушка немного помолчала и вздохнула: – Хотя кто знает? Столько лет прошло. Мог и измениться...

– Марта... – Валерий наконец взял себя в руки и заговорил: – Вы даже не представляете, насколько здорово, что это «соглашение» оказалось живо! Настоящий сюрприз, я думаю, для всех, кто имеет отношение к делу... Вы с Романом Антоновичем – молодцы, все сделали правильно! Но у меня к вам очень серьезная просьба.

– Слушаю вас. – Девушка сосредоточенно нахмурила брови.

– Ни одна душа, никто вообще, кроме нас, конечно, не должен знать, что оригинал документа никуда не пропал. Понимаете? Это действительно очень и очень серьезно. Вам придется, если ваша Анна Васильевна в курсе, и ее об этом предупредить. Скажите, что это – вопрос жизни и смерти.

– Она не в курсе, – покачала головой Марта. – Я даже дяде Сереже ничего не сказала.

– Умница! Никаких исключений: ни для Бака-нина, ни для Банникова – ни для кого!

– Я поняла. – Она внимательно посмотрела на Валерия: – Никто и ничего не узнает, даю вам слово.

– Я вам верю. И еще одно... Я что-то не вижу у вас телефона.

– А его и нет. Но Ромчик перед отъездом купил мне мобильный.

Марта снова нырнула рукой под подушку и достала явно бэушную «Мотороллу».

– Вот... Вам, наверное, нужен номер?

– Обязательно, – кивнул Померанцев. – Кроме того, запишете несколько, тоже мобильных, номеров, которые я вам сейчас дам. Один из них – мой... Насчет телефона я сказал в основном вот почему. Не исключено, что к вам могут наведаться какие-то малознакомые люди с вопросами, если и не о самом документе, то о его копии...

– Я должна буду вам тут же об этом сообщить? Кроме того, что говорить им, я тоже не вполне понимаю...

Валерий, замолкнувший на полуслове, пристально посмотрел на Марту и покачал головой. Потом, развернувшись в сторону кухни, куда исчезла соседка, тактично оставив их вдвоем, позвал:

– Анна Васильевна, можно вас на минуточку?

Соседка с крайне встревоженным выражением на лице возникла на пороге комнаты в ту же секунду и вопросительно уставилась на Померанцева. От Марты Валерий уже знал, что доверять этой женщине, подруге их покойной матери и вообще добрейшей душе, можно целиком и полностью.

– Скажите, пожалуйста, – мягко спросил он, – ваша квартира на этом же этаже?

– Напротив, – растерянно ответила женщина.

– С вами живет кто-нибудь?

– Кот у меня... Васька... – Ответ Анны Васильевны вызвал у Валерия улыбку. – А так... Сын с семьей давно в Питере, сама к ним ездию, а им некогда, занятые шибко...

– Значит, фактически вы живете одна, – кивнул Померанцев. – И, если я вас попрошу в интересах следствия временно перебраться в вашу квартиру вместе с Мартой, это возможно?

– Конечно! Если Мартуся согласится, хоть сейчас...

– А надо? – вмешалась Марта.

– Надо! – твердо произнес Валерий. – Марта Антоновна, судя по всему, мы имеем дело с человеком, который не остановится ни перед чем. Остается только удивляться, что до сих пор к вам сюда никто не наведлся с... мягко говоря – с дурными намерениями...

Анна Васильевна при этих словах тихо ахнула и прикрыла рот рукой.

– А ведь вчера... – начала она и тут же примолкла.

– Что? – живо среагировал Валерий.

– Пьяный-то тот, Мартуся, помнишь?... – Анна Васильевна округлившимися от страха глазами уставилась на девушку.

– Ну, не знаю... Возможно, действительно случайно ошибся дверью спяну? – Марта растерянно повернулась к Померанцеву. – Вчера действительно к нам какой-то тип ломился, наверное, минут пять, пока я не крикнула тете Нюре, что уже звоню в милицию...

– Во сколько это было?

– Часов в десять, да, тетя Нюр? Перепуганная Анна Васильевна только кивнула.

– Вот что, девушки, – Валерий поднялся со стула, – давайте-ка не будем терять времени и, пока я здесь и могу помочь со сборами и транспортировкой, перебазировемся. Да, ту копию, Марта, третью... Как я понимаю, она у вас... Оставьте ее, пожалуйста, здесь – там, где она в данный момент находится.

Марта бросила короткий взгляд в сторону узенького, как пенал, платяного шкафа с потускневшей от времени полировкой и молча кивнула.

Сборы заняли времени меньше, чем предполагал Валерий: гардероб девушки, практически все время проводившей в постели, соседка перенесла к себе за один прием. Лекарства были собраны в довольно увесистый пакет, за ними последовали книги, которых набралось на целую спортивную сумку. Наконец дело дошло и до самой Марты. И, недолго думая, Валерий осторожно вместе с одеялом подхватил ее на руки, отчего не ожидавшая такого жеста девушка ярко вспыхнула:

– Ой, что вы!

– Ерунда! – Валерий даже не задохнулся – настолько легким, почти невесомым оказалось ее тело. – Я мужик спортивный, для меня это плевое дело... Анна Васильевна, куда нам?

Они уже находились в соседней квартире, обстановка здесь была чуть подороже, чем у Белецких, однако назвать ее богатой даже самый невзыскательный гость затруднился бы...

– В маленькую комнату несите! – откликнулась хозяйка, успевшая застелить для Марты постель на узкой, но вполне удобной кушетке возле окна. Судя по недовольному виду громадного рыжего котяры, с брезгливым видом сидевшего на подоконнике, до сих пор это была его личная вотчина, которой он отныне лишился.

– А ну, брысь отсюда! – Анна Васильевна цыкнула на своего питомца, и, сердито мяукнув, тот спрыгнул на пол, после чего прошмыгнул мимо Померанцева с неожиданной для его величины скоростью.

Спустя несколько минут Марта, стараясь не смотреть на Валерия, уже лежала на кушетке, самостоятельно поправляя подушку.

– Может, тебе еще одну, твою принести? – забеспокоилась хозяйка.

– Нет, Анна Васильевна, – вмешался Валерий, – ничего отсюда не берите, договорились? А если кто-то у вас будет интересоваться, где Марта Антоновна, абсолютно всем говорите одно и то же: мол, в больнице, а какой – не знаете. Думаю, по нашим временам в безразличие к чужим бедам поверить легче, чем в участие. Можете добавлять, что у вас и своих, мол, проблем хватает.

Женщина вздохнула и покорно кивнула:

– Так и скажу... Значит, никому про то, что Мартуся у меня, знать не надо, верно?

– Верно. Никому, даже Сергею Иосифовичу – ни слова. – Померанцев повернулся к девушке: – Это и вас касается, Марта.

– Я уже поняла, – коротко ответила она. – Запишите мой телефон, кроме того, у тети Нюры телефон есть – я имею в виду, обычный.

Валерий посмотрел на часы и заторопился, поняв, что на совещание к Турецкому даже при самом удачном раскладе с транспортом он все-таки опаздывает. Почти как всегда...

6

Волновался Валерий насчет своего возможного опоздания совершенно напрасно: хотя все участники оперативно-следственной группы, включая Грязнова, успели собраться в кабинете Турецкого, сам Александр Борисович никак не мог завершить какой-то телефонный разговор. По лицам собравшихся Померанцев понял, что совещание еще не начиналось.

Наконец Турецкий с облегчением положил трубку и, оглядев по очереди всех присутствующих, улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.